П 349
П 29
34

ПИОНЕР

3

Изд-во ЦК ВКП(б)
„ПРАВДА"
1934

К борьбе за рабочее дело будь готов!

ПИОНЕР

№ 3

Орган ЦБ детской коммунистической организации им. Ленина при ЦК ВЛКСМ
Адр. ред.: ул. Горького, 8, тел. 5-60-76.

Февраль 1934

Учиться, учиться, учиться...

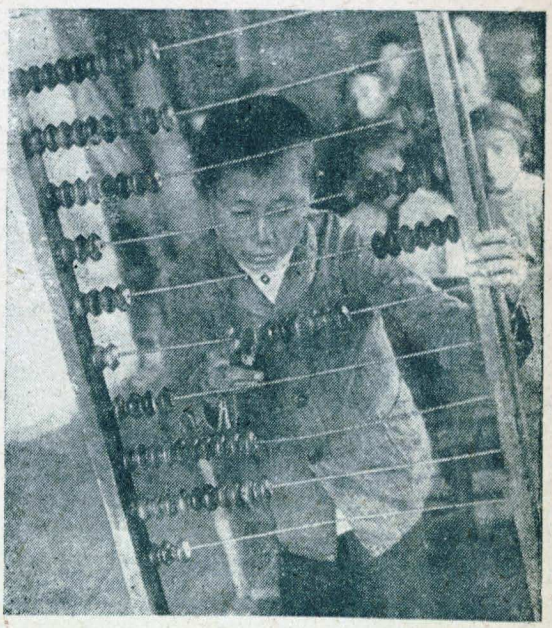
„Вся работа в наших школах проходит сейчас под знаком самой напряженной борьбы за внедрение знаний грамотности, за то, чтобы миллионы учащихся Социалистического союза выходили из школы образованными, грамотными людьми"

(Из выступления т. Бубнова на XVII с'езде партии)

В киргизском колхозном техникуме в г. Фрунзе большинство учащихся националы. Еще недавно полукочевой народ сейчас готовит своих агрономов, зоотехников и овцеводов. Одна из лучших учениц техникума Биби Керимжанова знакомит товарищей с глобусом

Раз в декаду школьники 25-й образцовой школы Октябрьского р-на перемещают показатели по посещаемости, дисциплине и успеваемости на щите соревнования. Красные флажки, отмечая достижения лучших групп, заставляют подтягиваться отстающих

Китайские ребята на уроке в советской китайской школе (Владивосток)



Когда надо показать ребятам решение трудной задачи, учитель вызывает Богдо-Токтахо. Он быстро соображает и хорошо считает на счетах. Богдо—лучший ученик в школе-интернате калмыцкого колхоза им. Сталина

П 29
34

Г.П.Б. в Лнгр.
Ц. 1934 г.
Акт. № 339

МЫ МОЖЕМ ГОРДИТЬСЯ СВОЕЙ КРАСНОЙ АРМИЕЙ

Из речи т. Ворошилова на XVII партс'езде

«Центральный комитет нашей партии, партия в целом, напряженно работая над всем многообразием вопросов строительства социализма, ни на один миг не упускали из виду необходимости постоянной заботы о защите советских границ, о строительстве рабоче-крестьянской Красной армии и обороны в целом. Как результат этой общей нашей работы мы имеем на сегодня вполне современную, преданную делу социализма, крепкую, словом, хорошую армию. Наши вооруженные силы полностью соответствуют уровню развития нашей страны, от бурного роста которой они не отставали и не смели отставать ни на один шаг.

За период между XVI и XVII партийными с'ездами проделана огромная работа по коренной реконструкции Красной армии. За этот период армия совершенно переродилась, став в отношении качества и количества вооружения, организационной структуры и боевой подготовки своих кадров как бы принципиально иной армией.

И в самом деле. В 1930 г. мы не имели еще целого ряда средств борьбы, а то, что имелось, было устарелым и малопригодным в свете развития военной техники буржуазных армий. Правда, и при низких наших технических возможностях того времени мы всегда делали все, что было в наших силах, чтобы Красная армия была готова и способна отразить врага, если он посягнет на нашу территорию. И я могу вам сказать, что мы, военные работники, и наш руководитель—Центральный комитет—никогда не обманывали никого, когда заявляли на весь мир, что наша армия боеспособна, что в случае необходимости она грудью станет на защиту своей страны и отстоит ее. Это не было фразой *(аплодисменты)*, это была большевистская правда. Но, как я уже сказал, в те времена армия была вооружена сравнительно слабо, и все наши надежды покоились главным образом на беззаветной преданности делу социализма наших бойцов, командиров и политработников, на нашей организованности, на боевой революционной дисциплине, на единодушном стремлении всей армии и всего трудящегося народа во что бы ни стало отстоять свою социалистическую родину *(аплодисменты)*. Теперь, повторяю, положение резко изменилось. Сегодня Красная армия может по праву гордиться своим вооружением и своей технической оснасткой» *(аплодисменты)*.

ЖЕЛЕЗНЫЙ НАРКОМ

ТЯЖЕЛОЕ ДЕТСТВО

Работу он узнал раньше чем грамоту. Совсем малышом пас скот, потом на рудниках Голубовского выбирал колчедан. Когда Климу Ворошилову было десять лет, десять копеек он получал за день. Но и гривенник в семье считался деньгами. Железнодорожный сторож Ефрем Ворошилов из-за своих вольных мыслей часто терял работу, а мать приносила с поденщины копейки. Жили в черной хате, без печки, пол был земляной. Соломенная крыша свисала на окна. Мать горевала, что Клим растет неученым: умел бы как дед читать псалтырь, вот хорошо было бы. Но учиться было негде. Только 12-ти лет счастливый Клим сел на школьную скамью выводить палочки, но через два года «курс наук» был закончен.

Нужно ли указывать, кто из молодежи на этой фотографии будущий великий полководец красных войск? Этой фотографии больше 30 лет, т. Ворошилову, который на ней снят, меньше 20

Ворошилов не забыл своего горького бесшкольного детства. И когда десяток лет спустя под его руководством луганские забастовщики потребовали от хозяев улучшения своей жизни, одним из требований было построить школу для ребят рабочих. Поезжайте в Луганск, вам покажут здание этой школы. Вам покажут кран, перекинутый мостом из одного угла цеха в другой. На нем в 1899 г. на заводе Алчевского работал Ворошилов. Луганцы расскажут вам, как на железном листе для печения пирожков, залитом желатином, как на гектографе печатали прокламации, которые писал «Володя» (такая была у Ворошилова подпольная кличка), как он руководил забастовкой, как его били в тюрьме, как делали бомбы, как под началом Ворошилова в 1905 г. боролись за советы.

БОЛЬШЕВИК ВОРОШИЛОВ НЕ БОИТСЯ ТЮРЬМЫ И ССЫЛКИ

В Луганске Ворошилов прошел особую школу, школу большевистской партийной выучки. В 1903 г. он вступил в партию. А с полицейскими кулаками познакомился тоже в Луганске еще подростком. Приехал новый, глупый пристав Греков. Он сидел с дамами на скамейке около дома. Мимо шла компания рабочих ребят. Все шапки поднялись кверху кроме ворошиловской. А пристава любят уважение. Греков схватил Ворошилова за рубашку, а Ворошилов ответил по-своему: за галстук пристава! В тот же день в каталажке появился новый арестант.

В этой хате родился Клементий Ефремович Ворошилов

За забастовку ворошиловскую фамилию занесли в черный список. Три года ходил он без работы. Двери всех заводов закрылись для «неблагонадежного». Сидел в тюрьмах. Прошел ссылки. И каждый раз, возвращаясь, снова принимался бороться за победу революции. Под угрозой виселицы доставлял из Финляндии оружие. Работал со Сталиным в бакинском подполье. На заграничных с'ездах шел за Лениным. Теперь опасного большевика Ворошилова знали уже и архангельские, и петербургские, и бакинские пристава. Архангельский губернатор писал мезенскому исправнику: «Препровождается к вам доставленный из бегов К. Е. Ворошилов. Предлагаю Вашему Высокородию по прибытии названного лица учредить за ним строгий надзор и об исполнении доложить мне». А один пристав даже сослужил Ворошилову службу. В комнате Ворошилова шел ночной обыск. Пока полицейские старались, пристав сел отдохнуть на сундучок. Полицейские не посмели побеспокоить начальство и сундучок не обыскивали. Распотрошили всю комнату, ничего не нашли. А как раз в сундучке-то, под приставом, и была запрещенная литература.

Тов. Ворошилов в молодости

В Луганске началась и первая военная работа Ворошилова. Генеральские армии окружили Царицын. Сдать Царицын—это значило потерять хлеб, волжский путь, позволить белому Дону соединиться с белым Уралом. И Ворошилов повел луганских партизан на выручку. Шли 700 километров.

Шли рабочие, оборванные, с женами и пожитками. Не раз в отряде раздавались стоны, вызванные голодом. Шли по разрушенной дороге, отбиваясь от врагов. Тут же строили мосты для перевозки орудий. На плечах переносили шпалы. И все-таки отряд креп, пополнялся другими отрядами, и на выручку Царицыну Ворошилов привел уже не партизанский отряд, а целую группу войск. И там он помогал Сталину в героической обороне красного Царицына.

В гражданскую войну Ворошилов был почти на всех фронтах. Бывший слесарь, безо всякой военной подготовки, никогда даже не служивший в армии, он командовал 5-й, 14-й и вместе с Буденным 1-й конной армией. Бил немцев, белополяков, Врангеля, Деникина. Бил армии испытанных, матерых генералов. Почему так получилось? Потому, что Ворошилова воспитала большевистская партия. Он учился у Ленина и Сталина, он умел организовывать людей. Из бесшабашных конников, любящих покричать: «Эй, чего там, всех порубаем!», он делал дисциплинированных, выдержанных

бойцов. Он заставлял учиться и военному делу и политграмоте. В 1919 г. в Конной армии было сто коммунистов, а к маю 1920 г. — 3152. Недаром Буденный говорит: «Мою армию называют буденновской, а сам я ворошиловец».

В трудные минуты Ворошилов был всегда на передовой линии, об'езжал цепи, сутками не слезая с коня. В одном бою казацкая пика запуталась у него в бурке. Под Казанью ворошиловский броневик полтора часа упор обстреливали белые. Шея Клементия Ефремовича была изрезана осколками брони.

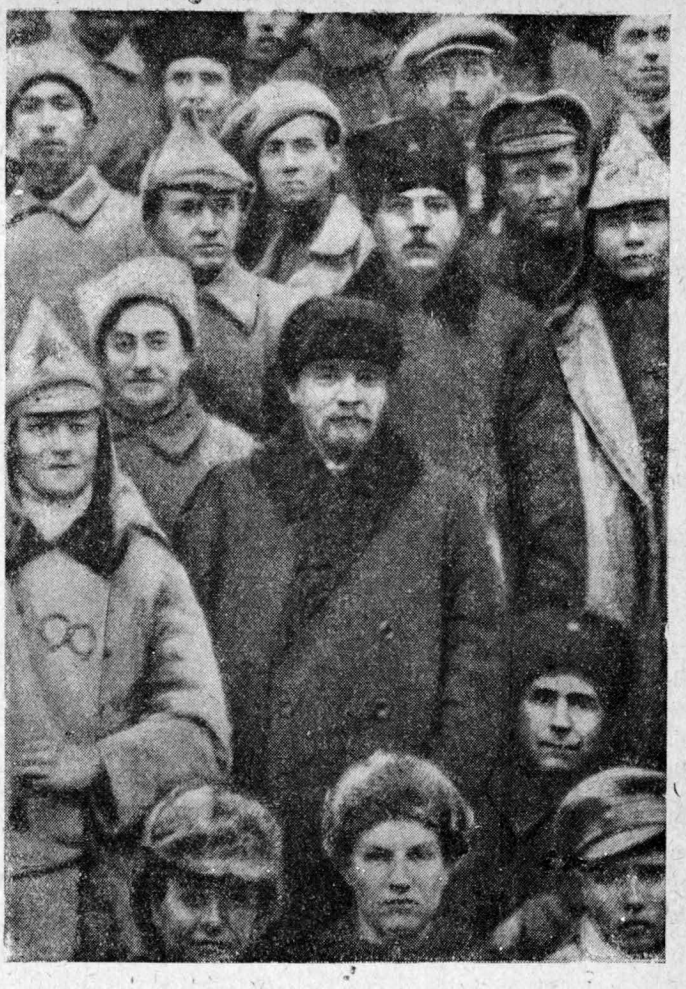
В 1920 г., на X с'езде партии, пронеслась тревожная весть: в Кронштадте мятеж. Стоянка флота, морская крепость — защита столицы — в руках врага. Кронштадт стоит на острове. Был март, лед уже начал проваливаться. Мятежники ждали на помощь весну и английский флот.

К вечеру залы с'езда опустели, зато вагоны, идущие к Петрограду, были переполнены делегатами-добровольцами. Наступали ночью, в белых халатах, под цвет снега. И впереди атакующих, не сгибаясь под пулями, шел по льду комиссар Южной группы Ворошилов. Через несколько дней мятеж был подавлен.

КОМАНДИР САМОЙ СИЛЬНОЙ АРМИИ

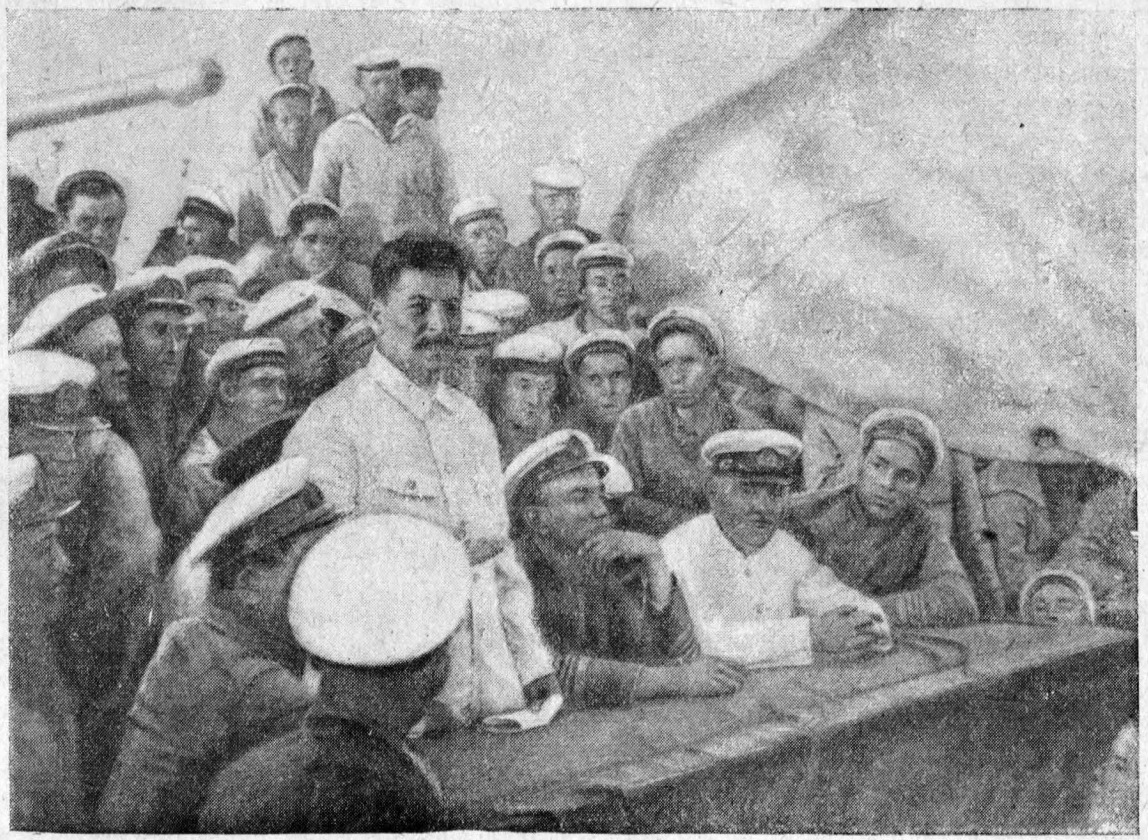
С 1925 г., девять лет, К. Е. Ворошилов занимает пост наркомвоенмора Союза. Руководствуясь указаниями т. Сталина, он проводит огромную работу по строительству и укреплению Красной армии. Мы можем с гордостью сказать, что наша Красная армия превратилась в самую сильную, технически самую мощную армию в мире.

Теперь у нас многопушечные танки, огромные как дома, танки, которые ломают проволочные заграждения, переползают рвы и проходят болота. Никакая пуля не пробьет их броневую толщу. Теперь у нас



Комиссар Южной группы т. Ворошилов пришел с победой. Владимир Ильич и Ворошилов сняты в группе красноармейцев, штурмовавших Кронштадт

есть тяжелые бомбовозы, подымающие тысячу килограммов бомб, и быстрые истребители. Теперь у нас



Тов. Сталин и т. Ворошилов в гостях у моряков

зенитные орудия с длинными, вытянутыми в небо дулами, которые могут сбить любой вражеский аэроплан. Теперь у нас—дальнобойные пушки-гаубицы, снаряды которых пролетают километры. В нашей армии теперь столько машин, что на каждого красноармейца в среднем приходится 7 механических лошадей. Семеро из каждых десяти красноармейцев непосредственно связаны с техникой. Ничего подобного у нас раньше не было.

Ворошиловская мишень.

Такая армия даст жестокий отпор любому врагу.

В нашей армии нет ни одного неграмотного. Партийная организация в Красной армии—лучшая из наших лучших партийных организаций. Бывшие красноармейцы и отпускники показывают примеры ударничества на заводах и в колхозах.

Много внимания уделяет Ворошилов Красному морскому флоту. Тов. Муклевич вспоминает, как учил их Ворошилов овладевать техникой морского дела. Корабли должны были плавать в любую погоду днем и ночью на полный ход с потушенными огнями. Каждый год нарком лично участвует в морских маневрах. И после маневров в Кронштадте под открытым небом тысячное собрание. За председательским столом Ворошилов: обсуждают, как прошли маневры. И краснофлотцы обещают «выбрать слабину», дать в новом году еще более высокие показатели.

УЧИТЬСЯ СТРЕЛЯТЬ ПО-ВОРОШИЛОВСКИ

Ворошилов не только вождь, но и чуткий, отзывчивый товарищ. В гражданскую войну одному раненому командиру угрожало заражение крови. Будучи в Москве, Ворошилов позаботился достать спасительное лекарство, и оно было срочно отправлено больному. «Начальник будет авторитетен только тогда, когда он краток, требователен, безусловно тверд в работе, но заботлив, чуток, умеет по-товарищески подойти к своим подчиненным во внеслужебное время и когда он политически активен»,—таков приказ Ворошилова.

Он требует от командиров и бойцов не только боевой выучки, но и общей культурности. В Москву к наркому приехала делегация лучших младших командиров. Клементий Ефимович поблагодарил командиров за хорошую работу и приказал посетить московские театры и осмотреть музеи.

Краснофлотцам «Парижской коммуны» Ворошилов пишет: «Работайте, товарищи, не покладая рук, не только над выполнением порученного вам важнейшего дела, но и над собою. Еще больше знаний и культурности».

И образцом большевистской работы над собой является сам Ворошилов. Член Политбюро ЦК нашей партии Ворошилов в совершенстве владеет учением Маркса—Ленина—Сталина. Не получивши законченного образования, он сейчас крупнейший знаток военного дела. Он знает любую военную машину. Прекрасно ездит верхом и правит автомобилем. Меткость ворошиловской стрельбы известна. На военном полигоне, стреляя в мишень в присутствии наркома, один командир промазал семь раз. Командир пожаловался, что плох наган. Ворошилов взял «плохой» наган, и все семь пуль одна за другой врезались в черную сердцевину круга.

Лучшие стрелки Союза сдают нормы на «ворошиловский значок».

Мы можем уверенно учиться работать, строить социализм. Нашу страну защищает непобедимая Красная армия во главе со своим руководителем, верным учеником и соратником великого Сталина К. Е. Ворошиловым.

Без промаха бьет ворошиловская пуля. Тов. Ворошилов стреляет из чужого нагана. Командир, стрявший из этого нагана перед наркомом, семь раз промазал и пожаловался на плохое оружие. Нарком семь раз попал. Мишень его помещена на этой странице.

РАССКАЗ ВАСИЛИЯ ПЕТРОВИЧА

Всеволод Лебедев

Рис. А. Митурича

В бою под деревней Дикой меня ранило. И ранило не очень, но командир убедил ехать в двухнедельный отпуск. А куда я поеду? Разве к товарищу, к Пермякову Павлу...

Пермяков Павел был хороший товарищ: вместе работали на Кытлымских платиновых приисках. Вместе пошли и на фронт как братья. Но тут война разделила нас, и ничего не знали друг о друге. Но потом вдруг узнаю: Павел Пермяков ранен, лежит в Перми в лазарете. Дай я поеду в Пермь, буду ходить в лазарет к Пермякову. Ему от этого будет легче...

Приезжаю я в Пермь. Хожу как утка. За сто шагов люди видят: инвалид идет. Стараюсь этого не показывать, но мне обидно.

Поселился на самой тихой улице. Дал ордер комендант города. Иду в этот домик. Все чисто, хорошо. И постель стоит уже готовая: мне и впору. Здесь жил политрук, но политрука на фронт послали. И теперь мне ложиться в эту постель. Ранило меня в овраге, и день пролежал я лицом в землю, думал, не воскресну. А нет, ведь воскрес! И вот какие штуки существуют на свете: и электричество горит, и шинель снимешь, и на стенку повесишь. Мне это вроде забавно. Точно и не я.

И начал отдыхать: пойду к Пермякову завтра со свежим лицом. Сел в кресло (там кресла были широкие), в них сядешь, точно в тесто сел. Сел и стал отдыхать. Зеркальце на столике стояло,—посмотрел. Точно не на себя смотрю, а на брата. Одна и та же мать родила, только не я это. Весь загорел, и огрубела морда и щетиной поросла,—точно боров из зеркала на меня смотрит... Ничего! Наплевать!

В дверь постучали.

— Прошу, войдите.

Заскочил в мою комнату старичок, весь беленький, аккуратненький. Пиджачок на нем надет вполне старый, как носили еще до революции.

— Что ж,— думаю,— может он и не контр. Меня не убудет, если я с ним поговорю.

Папашей назвал:

— Садитесь, папаша.

— Ничего, я постою. Мне не сидится.

— Давно ли не сидится вам, папаша?

— А у меня такая болезнь.

Этот старичок просидел на стуле в конторе заводской, так говорил он, сорок семь лет: с пятнадцати лет. Он уж всю думу потерял, все мысли у него разбежались. Его притерло к этому стулу. И он уже свободно не держится. Мы просто идем, а он по тому же месту ходит осторожно как по льду.

— Вот,— говорит старичок,— я и думать ни о чем не могу. Сорок семь лет считал на счетах, не поднимая головы. И теперь живу без дела, на пенсии. Но встану с утра и начинаю считать. Счет в голове вертится. Я его гоню, а он вон не идет. Выйдешь на улицу, тоже считаешь: окна в домах, шаги свои. Иной раз, — говорит,— собаку с кошкой сосчитаешь вместе и человека присчитаешь к своим шагам.

— Да,—говорю я старику,—это тоже болезнь.

— Да и какая болезнь,— говорит старик.— Я и во сне считаю. Проснешься, сразу проснешься, а губы шепчут: «двести шестьдесят пять». Это значит, я во сне лежал и считал как машинка.

А я старику говорю:

— Это прежний режим с вами делал. При новом режиме, при советском, человек станет жить свободнее, а считать — есть прибор, изобретен. Машина не устанет; ее только накрути, она любую выкинет тебе цифру, любое умножение.

Эту вещь я видел в канцелярии начальника штаба, когда ходил туда с пакетом. Ребята очень удивлялись и трогали ее. Сначала думали, что музыка, а дежурный сказал: «Не троньте, ребята, она ничего не сыграет, а только может считать». Ну, мы и отстали,— не для нас эта музыка!

Так поговорили, и мой старичок говорит:

— Выпьем.

Надо сознаться: я очень ослабел, а слабый человек до вина падкий. Теперь я вижу свою вину: зачем мне было с этим стариком пить. Ведь кроме того, что пить непочетно красноармейцу, с к е м пить? Ведь я его не рассмотрел. Вижу, вежливый старичок, безвредный...

Ну, одним словом, сели пить. Старичок ханжи какой-то принес. Ни водка, ни спирт — ханжа. Налил чего-то зеленого в стаканы. И сидит, на меня смотрит как попугай.

Я сунулся к стакану! Стакан был пузатый, крепкий. Потом огурец захватил с тарелки, а сунуть в рот не могу: уже кружит меня, то ли от слабости, то ли от того, что в ханжу подлили чего-нибудь не настоящего. И постель манит меня. Я как широко раскинулся, так во сне и не перевернулся: спал как задавленный. Сколько времени прошло, не знаю. Бывает так: на берегу реки уснешь у воды и заспишься целую вечность. Целую жизнь проспишь.

А тут случилось, что не жизнь проспал, а всего лишь мои документы. Были военный билет и паспорт, всякие справки были. Все в штанах, в кармане. Все,

по чему я жил, доказывал, что я Черных. Проснулся, сразу сунул рукой в карман. Не поверил. А поверил,— все равно стою, мешаю рукой в кармане, а там кроме платка грязного и нет ничего.

«Нет врешь,— думаю,— они тут!» Выложил на стол платок, ощупал его даже. Пуговица была, и ту выложил. Пустой карман! А ведь было вчера. Было или не было? Может у меня по дороге сперли? Постоял дураком, иду в соседние комнаты.

Пусто как в конюшне, когда лошадей выведут. Самовар стоит, но что мне самовар. Глядеться в него что ли? И так дураком вышел!

Закурил и сижу, жду старика. У окошка сижу. Идет какая-то дура. Через дворик идет. Вроде попадья какая-то: вся в шалях, в платках; они на ней как на сахарной голове. Сама белая, толстая. Спрашиваю:

— А не видели, куда вышел хозяин этого дома?

— Что вы, помилуйте! Какой хозяин? У этого дома век хозяев не было. Мы и не знаем, кто здесь хозяева. Это комиссариатский дом.

— Значит, старик этот сторож что ли был?

— Тут и сторожей нет, я сторожу. Я напротив живу, и меня поставили глядеть за домом, чтобы не

...и уже кружит меня, то ли от слабости, то ли от того, что в ханжу подлили чего-нибудь не настоящего.

стащили чего. А тут живут по двое, по трое от комиссариата. Кому ордер дают, и живут два-три дня. А я не вмешиваюсь. Меня бы только оставили, у меня свой флигелек есть. Если подмести надо,— я могу, да и то хорошие люди за это дело сухарей насыплют. А самовар поставить и сам можешь. Наука небольшая поставить самовар. А если и самовара ставить не хочешь, лежи на кровати и читай азбуку. Тут азбук целый угол накидан. Зимой учили здесь грамоте, так и остались.

— Постой,— говорю,— мамаша. Ничего не понимаю. Голова идет кругом. Об'яснитесь как следует, потому что я красноармеец и не могу этого дела оставить. За документы я должен ответить. Ведь документ не птица, сам не вылетит.

Остановил ее. Выбежал на дворик и остановил. Уперся в нее.

А та:

— Отец Никодим, отец Никодим!

Выходит из флигеля худой длинный поп. Шея как гусиная или как у скрипки бывает. А глаза рачьи.

— Что вам надо, товарищ красноармеец?

— Я вам не товарищ. А я допрашиваю гражданку по причине того, что здесь бывают неизвестные люди. Поведу вас всех в комиссариат, там лучше знают. Там так знают, что, может быть, ты через пять минут побежишь домой и с моими документами придешь.

Поп:

— Вы шутите, дорогой товарищ. У вас лихорадка. Некому здесь красть, двор глухой, и никто не приходил кроме вас. Ведь мы у окошка сидим, смотрим. Мы можем оказать вам помощь. Вам сейчас нужно хины да под одеяло. И как побудешь под одеялом сутки, выйдешь совсем здоровым и крепким в теле.

Я насилу выбежал со двора,— поп загораживает мне дорогу, доказывает, что я болен. С хиной своей лезет. Что мне хину, ты мне подавай мои документы!

Добежал до коменданта города: «Так и так, виноват и отвечу за свою вину, что выпил». А комендант:

— Ты за эту вину, Черных, ответишь, как и полагается каждому красноармейцу ответить. Но ответишь потом. А здесь вот тебе приказ: узнай эту квартиру. Это уж второй случай, что пропали документы.

Я все понял, что комендант сказал. Иду дураком обратно.

Зашел к Павлу Пермякову в больницу. К нему не пускают. Дальше лестницы ничего и не видел: «К нему нельзя, у него кризис. И все равно он вас не узнает: он лежит с закрытыми глазами».

— А если и не откроет их вовсе? Ведь я в одном отряде с ним был. Поймите!

— Что ж,—говорят,—все люди смертны!

Я от злости, что Пермякова не увидел, пошел. И пошел не домой. Чего насмех в ту квартиру идти? А пошел к реке, к Каме; там широка вода. И сижу на горе, над самым широким местом. И все думаю, как человека одурачили: документы как бабочка из разжатого кулака вылетели,— ищи их. Ведь вот выпил, не соблюл себя и лежал мертвым телом на постели. Эх, боец! И Пермяков подгадил... А вдруг умрет и унесет с собой всю нашу дружбу. Как мы гуляли с ним вместе на Кытлымских приисках!

Задумался я. Над широкой-то водой задремалось. Клюнуло меня в сон. И сдерживал себя, а не сдержал,— тут и уснул над обрывом.

Проснулся: разговор! Я за камнем лежу, прижался. А надо мной, на скамеечке, двое разговаривают и меня не видят, и им кажется, что никто их и не слышит: впереди река, сзади открытое место, самые секретные вещи можно громко кричать,— ведь река!

— Все хорошо, одно плохо. Шинельку купил крепкую и бороду вырастил, и совсем похож на советского, и ругаться научился как следует,— а вот нет документов.

А второй:

— Документы —пустяки. На новом валу, там большая торговля. Часов в семь, вот через час пойди за амбары, там бродяги играют в карты. Подойди и проси у них. За тридцать тысяч — любой документ. И тебя эта борода и документы спасут, и пройдешь фронт, а там вспомни меня.

А тот опять:

— Я пойду сейчас же.

Тут голоса удалились, а я вскочил да за березками спрятался: разглядел их спины. Они по берегу, и я по берегу, они в переулочек, и я туда.

На мне гимнастерка,—красноармейцу не поверят. Что делать? Как к этим ворам подойти? Нельзя к ним подойти.

Я издали спрятался, смотрел: действительно за амбарами сидит троечка и будто играет в карты. Тот человек, в шинели, подошел к ним. Посидел с ними. Вижу возвращается он и идет задами амбаров, думает, верно, спуститься к воде или в избушки рыбачьи идет или хочет податься через реку. И вдруг уплывут

мои документы! Почему-то я поверил, что это должны быть мои документы и ничьи больше. Обидно!

Место пустынное. Он завернул далеко; нас никто не видит, и уже вечер. Я зайцем прыгаю за ним и все прячусь. Зашел он совсем в глухое место: к свалке, в овраг, и там на берегу свистнул. Через реку плывет лодка. В лодке управляется один и еще далеко едет по самой ширине реки. Неужели уйдет он от меня?.. Подбежал к нему, к самому, и сразу его пядью за морду так, что ослеп он, не видит меня,— и в песок. Он бороться не умеет и вообще не для меня пара,— я хоть и раненый, а держу его свободно.

Лодка-то, лодка поворотила сразу и уходит. Эх! Упустил лодку... На самой ширине сразу повернула и пошла. А я его держу. И он смотрит на меня.

— Что,— говорю,— долго бороду отращивал на деревенский манер?

Э-э, нет, погоди, я раньше тебя залезу!

И ощупал там у него. Карман большой, — наша-де, красноармейская, шинель. Может быть с товарища сняли с больного или в бою содрали с убитого, а может быть дезертир шинель продал. Эх ты, подлюга! Разве для тебя шинель такую шили?

А в шинели, в кармане, лежит аккуратный маленький револьвер, заряженный двенадцатью патронами.

— А ну, скажи: кому ты эти патроны готовил? Вот этот патрон мне? А этот патрон, может, в темноте, тут у реки, опять же в меня? Какую мне готовил посылку? Давай его мне, он у меня надежнее.

Тот молчит, и держу я его как ужа,— попробуй змею держать: она в руках легко держится, она у тебя на руке повиснет как мертвая, да вдруг скользнет в лицо, ведь она змея! Я его держу и ощупываю другой рукой. Еще на лбу у меня шрам не зажил от белогвардейской раны,—я это чувствую. Ведь вот от такого же как он...

Обыскал его; документ воинский. Я не стал разворачивать, смотреть.

— Пойдем!

— Куда?

— В комендатуру.

— Я не пойду.

И смотрит на реку. А река потемнела,—и чорт знает, что с реки выедет. Огонек какой-то едет к нам. Тут я наставил револьвер, и он пошел. Комендатура недалеко, не пришлось идти через весь город.

Там товарищ, который сидел, на документ не стал смотреть, а стал смотреть в лицо приведенному.

— Вот,— говорит,— Черных, ты поймал большую птицу. Выпустили бы мы ее, кружилась бы эта птица над нашей землей. Ведь это коршун. Эх! Проворонил ты лодку...

Тот, белый, сидит и смотрит. Тут весь он стал белый,—ему и борода не помогает. Он испугался, и у него лицо стало серее снега, и потерял он все слова. Я на него поглядел и говорю:

— Ведь ты шел к белым с моим именем. Из-за моей пьяной вины имя мое помогло бы тебе перебраться через фронт.

А комендант:

— Почему ты думаешь, — под твоим именем?

И показывает другой документ. Верно, ведь не мой, а умершего красноармейца.

— Ну, теперь все равно. Мы все знаем.

А я остался без имени...

Мне командир велел идти домой. И я решил:

— Товарищ командир, я приду туда пьяным. Меня уже пьяным там видели и знают, какой я пьяный.

Командир понимает, ему не надо двух слов говорить, он с одного слова понял. Принесли тут ханжи: была конфискована. Тут же баба сидела с ханжой, все просила ее выпустить, а ханжу уже хотели выливать на двор.

Командир говорит:

Проснулся – разговор! Я за камнем лежу, прижался.

— Стойте, Черных правильно сообразил.

И дают мне этой ханжи, этого яда, в ковшичке. Я лицо в ханже вымыл,— противно! И остатки вылил на шинель.

— Товарищ командир, меня с этим запахом сквозь город не пропустят. Тем более сейчас ночь!

Велел проводить меня.

Товарищ повел меня, как будто вел под конвоем. И жители шли, крутили головами: «А еще красноармеец!». Один пьяница шел за нами, нюхал, не отставал. Провожатый уж крикнул на него.

Зашел я на двор, иду как подстреленный гусь. Полами шинели мету пол и сел посреди двора. И песню запел. Поп выбегает:

— Вам здесь нехорошо, товарищ.

— Да, товарищ, мне здесь нехорошо.

— Вы бы спать пошли.

— Очень просто, пойду спать.

У себя постель раскидал по полу, будто не желаю на кровати лежать. Желаю широко на полу. На полу и лег. Шинель скинул, лег в одном нижнем. А под подушку револьвер, тот самый; оставил мне его комендант.

Час — два лежал — никого нет. Досадно стало. Одурачен я. Не такие они дураки, чтобы воровать каждый день. Они делают тоньше.

Вдруг дверь скрипнула.

Двое вошли, — я глаз приоткрыл и разглядел их: поп и тот старичок. Старичок остановился надо мной как над мертвым, оглядел одежду мою.

— Знал бы он, пьяный подлец, кому он документ свой уступил. Ведь с его документом едет через фронт такая боевая личность.

А поп:

— Большая храбрость нужна — взять красноармейский документ и по нему пробираться такому лицу. Командовал царской дивизией. А теперь в самой толпе поедет, как свиней везут, так и красноармейцев везут в теплушках, и он тоже начальник дивизии, генерал, в теплушке сидит и нюхает всю вонь.

А старичок:

— Теперь надо делать совсем тихо. Теперь мы выполнили все задания. И теперь мне нужно уходить, а вы, отец Ипполит, поедете в дальний монастырь, и пока все не кончится, вы будете там в монастыре молиться. Вот за него помолитесь — за его душу.

Это старик говорит обо мне и показывает на меня.

— Нет, рано на тот свет посылаете! Я еще хочу жить на этом.

А старик:

— Пора, пора. С реки приедут, нас возьмут.

И старик снимает бороду. Я одним глазом гляжу и вижу: снял старик бороду. Вот тебе и старик. Да и гроб— пропал. Да ведь это гренадер. Вот уж с таким раненый я не справлюсь! Этот будет драться, так будет драться по-военному. Недаром его послали на такое дело.

Поп говорит:

— Эх, Николай Евгеньевич, Николай Евгеньевич, сколько лет зря пропало; а ведь как к этим плечам идут эполеты.

Подходит к нему поп как к лошади барышник, и щупает у него плечо. А тот стоит барином, офицером.

Поп его обошел как коня и говорит:

— Большая вам будет награда за то, что вы предприняли.

— А как вы думаете, какая мне будет награда?

— А первая вам награда будет от царя. Когда все это кончится, вас ведь повезут к царю. Вас обнимет царь и скажет: вот сколько народу сохранили вы для меня. А ведь царское об'ятие—награда самая высокая...

— А еще какие будут мне награды?

— А вторая награда вам будет тоже от царя. Вас тут же при царе и оденут всего. Оденут в золото. Вы забудете, что жили в такой грязи и скитались по закоулкам, как будете стоять в высокой зале под таким потолком и при таком свете и в золото оденетесь...

— А еще чем наградит меня царь?

И мне стало обидно лежать при таких словах. И где говорят эти слова? В Перми! А ведь Пермь пока еще наша — красная.

И я рукой нашарил револьвер и сразу как в бою из-под укрепления, встаю сразу готовый, только в одном нижнем.

Офицер схватил табурет — сразу бы убил меня табуретом. И я выпустил ему свою награду в лоб. Не вести же его в комендатуру — не дался бы он, сразу тут ему пять пуль в лоб и спустил.

Немного не дожил до царской награды.

И к попу я.

— Ну, а тебя бы как царь наградил!..

Тот видит оружие в красноармейской руке, чует, что офицер убит,—спиной к стене жмется. Я кричу:

— Отойди от стены! А может в стене тайник!

А уж тут бежит патруль наших ребят — так было условлено с комендантом: сидели в старой бане люди.

Ну, могли на офицера полюбоваться, только уж на мертвого.

А поп сел на табурет и качается и качается. Его не держит. Из него уже вся сила вышла.

На другой день стало мне сильно больно за Павла Пермякова — неужели он умер. Прихожу — ведут к Пермякову и не говорят, жив он или умер. Я не спрашиваю — у меня бьется сердце. Ведут к постели. И вижу: сидит Павел Пермяков—его глаза. Только глаза сохранил прежние, а ведь худ и бел, точно с этой беленой стены вышел.

Тут я пошутил.

— Разве, — говорю, — Пермяков, с того света на этот советская власть принимает людей?

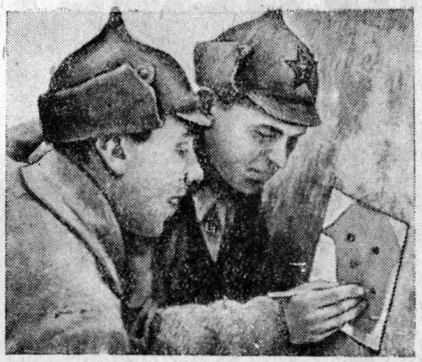
А он не может пошевелиться, только смотрит, и мне достаточно того, что он живой.

Так пробыл я свои две недели, и дал комендант мне новый билет: «Ну, Черных, потерял ты свое имя и снова получил его. Смотри, не теряй снова».

И верно: имени своего мне не приходилось терять. И так ловко пошло, что с того времени я не пью и не пью. И даже самому удивительно, как это может человек не пить и самого себя спрашиваю: «Неужели ты, Черных, не пьешь вовсе?».

А поп сел на табурет и качается и качается. Из него уже вся сила вышла.

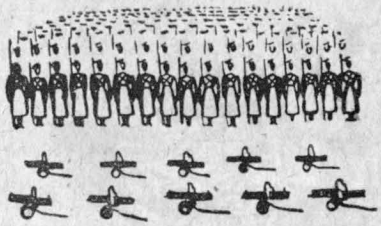
ПЕХОТА... ОГОНЬ!



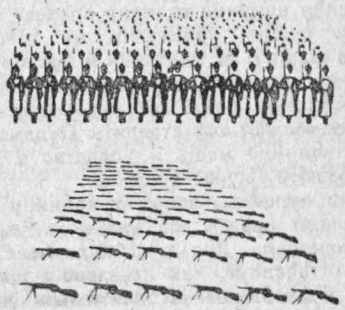
СВЕРХМЕТКИЕ СТРЕЛКИ

Красные бойцы-снайперы без промаху поражают пулей самые мелкие цели: голову наблюдателя, узкую смотровую щель в танке, бойницу окопа и т. п.— на расстоянии до 1000 м.

Для этого на обыкновенную, но отборную и отлаженную нашу винтовку ставят ОПТИЧЕСКИЙ ПРИЦЕЛ, т. е. такую зрительную трубу (похожа на одну из труб бинокля), которая дает очень ясное и увеличенное изображение цели. На рисунке показана мишень одного из наших снайперов с четырьмя пулевыми пробоинами. Если бы вместо мишени находился наблюдатель противника, то любая из этих пуль вывела бы его из строя.



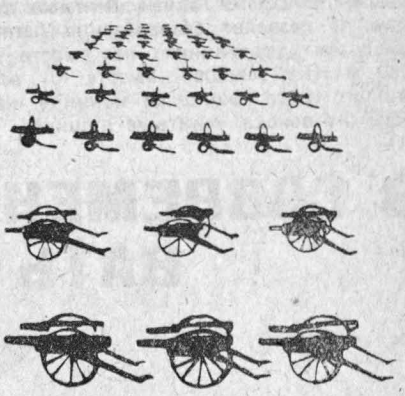
Вот сколько пулеметов было в старой, царской армии на каждый полк пехоты в 1917 г. Пушек не было вовсе



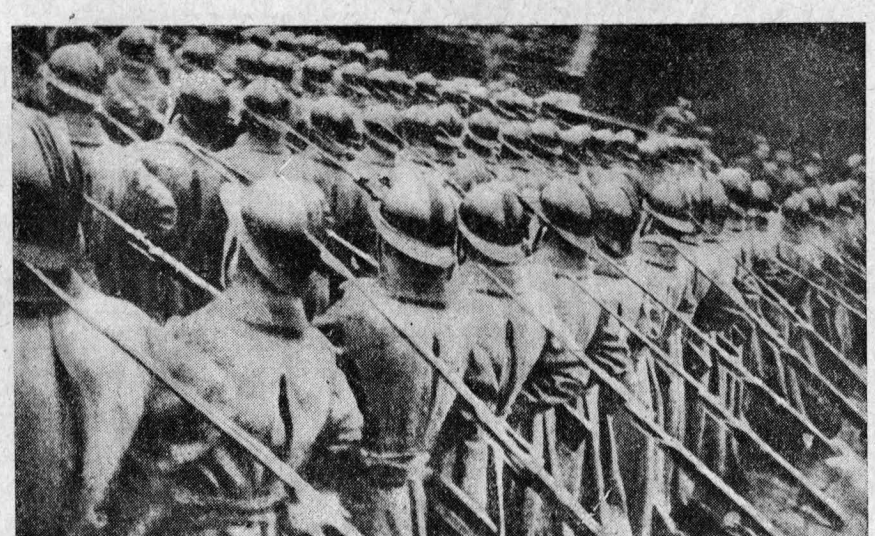
ВООРУЖЕНИЕ ПЕХОТЫ

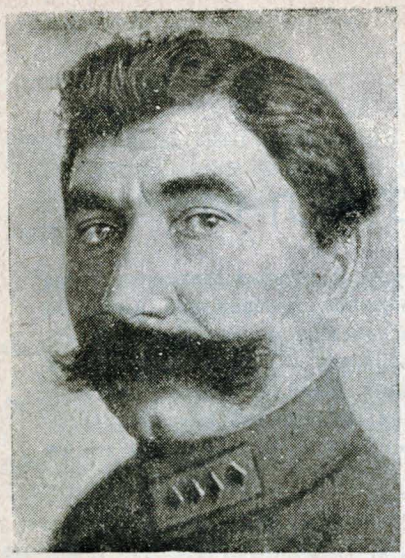
Пехота Красной армии имеет мощное огневое вооружение: винтовки, пулеметы и пушки. При их помощи можно успешно вести бой в любых условиях. Пулемет — это самострельная (автоматическая) машина, выпускающая пули одну вслед за другой. Станковый пулемет дает в бою 250—300 выстрелов в минуту а ручной (легкий) пулемет — 100—125.

Пулеметы всюду и всегда должны быть вместе со стрелками. Чтобы легче было зимой двигаться с ними по полю боя, изобретатели Красной армии придумали лыжную установку для ручного пулемета Дегтярева (см. фотографию). На этой установке пулеметчик на лыжах может тянуть за собой пулемет со скоростью до 12—15 км в час. С этой же установки он будет стрелять. Пулемет Дегтярева—это наш, советский пулемет. Это простой по устройству, очень легкий и прочный пулемет. Пулемет рабочего-изобретателя Дегтярева лучше всех известных нам иностранных пулеметов.



Вот сколько пулеметов (ручных и станковых) и пушек имеет сейчас стрелковый полк Красной армии



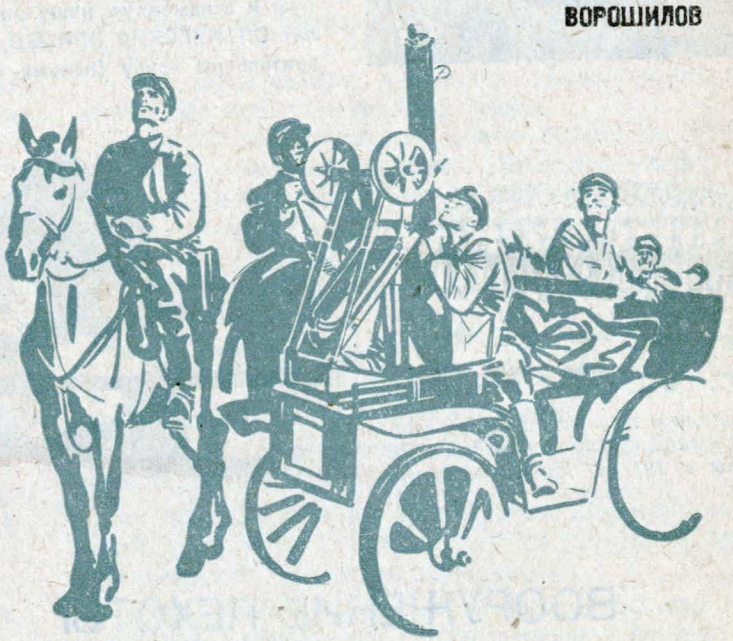


С. М. Буденный

КОНЬ, ШАШКА, ВИНТОВКА, ПУЛЕМЕТ

О том, какое значение имели конь, красная конница в гражданской войне, все вы отлично знаете. Но вы должны так же твердо знать, что и сейчас и в будущем нашей армии лошадь потребуется в большом количестве, причем лошадь хорошая, лошадь, которая будет полностью соответствовать тому уровню развития наших вооруженных сил, на котором мы в настоящий момент находимся.

ВОРОШИЛОВ

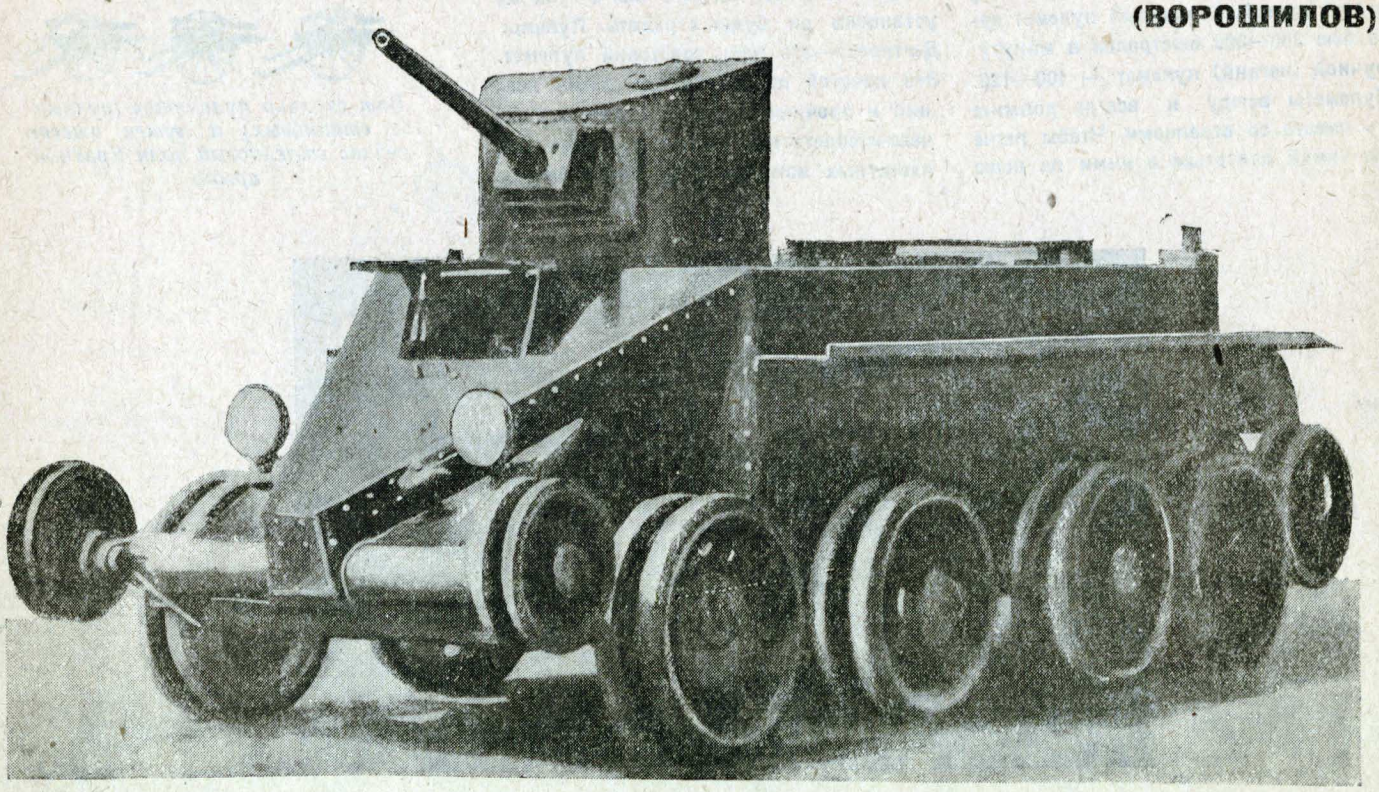


Красная конница отлично владеет конем и сумеет применить не только острую шашку, но винтовки и пулеметы. Пулеметы эти поддержат своим огнем конную атаку, расстроят ряды противника, помешают ему стрелять. Пулеметы дадут коннице мощь и упорство в пешем строю в случае обороны.

Те же пулеметы защитят конницу от воздушного врага, от низко летящих «штурмовиков». Для этого пулемет ставят на «тачанку», как показано на рисунке, и снабжают ее зенитным (кольцевым) прицелом. Такие зенитные пулеметы не позволят безнаказанно летать самолетам противника на высоте до 1000 м (на большей высоте от воздушного врага защищают конницу как и другие войска зенитные пушки).

В СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЕ БУДУТ ДЕЙСТВОВАТЬ МАШИНА И ЧЕЛОВЕК

(ВОРОШИЛОВ)

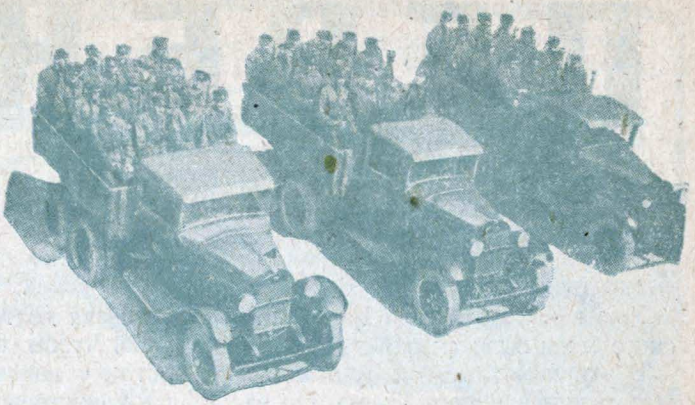


Колесно-гусеничный танк типа Кристи на колесах (гусеницы сняты)

Двигатель внутреннего сгорания (мотор) позволил создать быстроходный, легкий и мощный транспорт (автомобили и тракторы). Тот же двигатель произвел революцию и в военной технике. Войска теперь и в тылу и на поле боя пользуются всеми видами механического транспорта. Транспорт в десятки раз увеличивает ПОДВИЖНОСТЬ ВОЙСК и сберегает силы бойцов для боя. МОТОРИЗОВАННАЯ ПЕХОТА на трехосных грузовиках (см. фото справа) может с большой скоростью передвигаться не только по дорогам, но и по полю. МОТОРИЗОВАННАЯ АРТИЛЛЕРИЯ быстро движется, повсюду следуя

Колесно-гусеничный танк типа Кристи на гусеницах

за пехотой и конницей. Такая артиллерия может использовать в бою самые тяжелые и мощные орудия и даже такие, которые раньше можно было перевозить только по железной дороге. На снимке (внизу) очень тяжелое наше орудие, у которого для увеличения проходимости колеса заменены гусеницами. Тянет его сильный гусеничный трактор.



Но на войне еще гораздо важнее иметь такую самоходную повозку, которая могла бы непосредственно участвовать в бою, с которой можно находу вести стрельбу и быть самому закрытым прочной стальной броней. Такие БОЕВЫЕ БРОНИРОВАННЫЕ МАШИНЫ—бронеавтомобили и особенно ТАНКИ—будут теперь на войне участвовать тысячами.

Гусеницы позволяют танкам двигаться не только по полю (без дорог), но и переходить без труда окопы, ямы, рытвины. Тяжесть и мощный мотор танков позволяют им проходить сквозь молодой, не очень густой лес. На фотографии (слева) показано, как наш танк валит деревья, чтобы расчистить себе дорогу. Но гусеницы имеют и недостатки. Один из них—меньшая скорость хода машины на гусенице чем на колесах. Поэтому некоторые новейшие танки делают колесно-гусеничными. Такой танк (см. фотографию внизу на стр. 10) может двигаться по дороге на колесах со скоростью до 100 км в час. Тот же танк может двигаться и на гусеницах. Они легко (в несколько секунд) одеваются на его колеса. На гусеницах такой танк легко валит деревья, а по полю может развить скорость до 60—65 км в час.

Моторизованная артиллерия

ПЕРЕКОП

В. Залевский

Ноябрь 1920 г. был месяцем наредкость холодным.

Уже в начале месяца воды Азовского моря были скованы льдом.

В эти памятные дни Красная армия стояла у порога Крыма, где засел генерал Врангель,— последний оплот мировой буржуазии.

Узкий Перекопский перешеек, весь опутанный колючей проволокой, под защитой тысячи орудий и пулеметов врага преграждал путь славным бойцам нашей армии.

Если бы мы в то время располагали такой богатой военной техникой, какую имеем сейчас, враг был бы сломлен быстро и без тяжелых для нас потерь.

Но тогда наша армия была бедна, а главное, она не имела танкое, при помощи которых можно сделать широкие проходы в проволочных заграждениях для наступающей вслед за ними пехоты.

Но добить злейшего врага рабочего класса было важнейшей задачей партии и всей страны.

По указанию т. Ленина, в крымскую группу войск были выделены лучшие коммунисты во главе с т. Сталиным. Командование войсками возглавил т. Фрунзе, старый большевик, испытанный полководец.

Прибытие на фронт т. Фрунзе еще больше подняло дух красных войск. С 3 ноября стали активно готовиться к сокрушительному штурму вражеских позиций.

Сильный западный ветер, подувший внезапно, гнал воды Сиваша на восток, благодаря чему уровень воды в Сивашском заливе понизился настолько, что стала возможна переправа пехоты и конницы в брод.

Фрунзе решил использовать обстановку и приказал 15-й дивизии переправиться ночью в брод, с тем чтобы, заняв Литовский полуостров, угрожать с тыла войскам противника.

Ночью поднялся густой туман. Весь боевой плацдарм неустанно лизали широкие языки прожекторов врага. Тем не менее, несмотря на бдительность врага и беспрерывный его огонь, бойцы 15-й дивизии брели смело, местами по шею, в студеной воде.

Критический момент приближался. Нужно было спешно использовать успех, так как Врангель подтягивал из глубины свежие силы, с тем чтобы сбросить в море горсточку наших храбрецов.

Единственным выходом была атака в лоб перекопских позиций, на которых враг уже был частично ослаблен действиями 15-й дивизии на фланге.

51-й дивизией, получившей впоследствии название Перекопской, командовал т. Блюхер, прекрасный полководец, сейчас широко известный трудящимся СССР как командарм Дальневосточной армии.

Слева от него, прямо на Чонгарский мост, наступала 30-я дивизия под командованием т. Грязнова.

Уже два дня части 15-й дивизии не выходили из боя. Глубокий брод не позволял доставлять с берега пищу. Бойцы и командиры мужественно переносили голод и лишения, борясь как львы с превосходными силами противника.

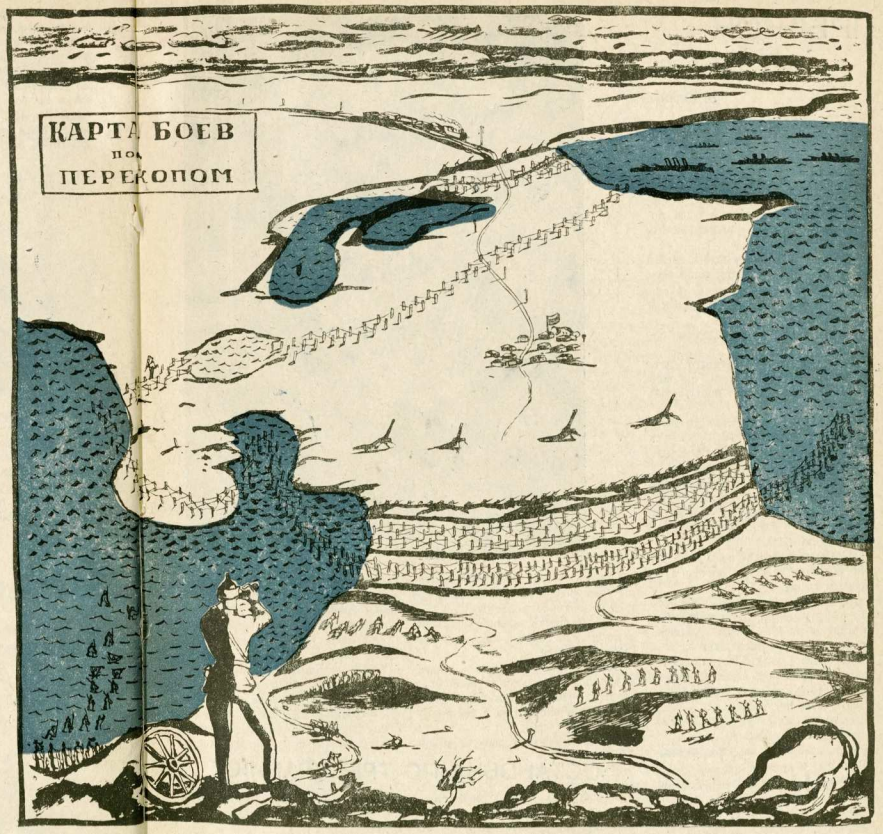
Кроме того в заливе стала прибывать вода. Это грозило полным отрывом 15-й дивизии от своих войск. Нужна была немедленная помощь.

Тов. Фрунзе в ночь на 11 ноября назначил генеральный штурм перекопских позиций. Под огнем противника об'езжая войска, т. Фрунзе вселял в сердца бойцов и командиров несокрушимую веру в победу.

Начался штурм. Под личным руководством т. Блюхера бойцы лавиной пошли на проволоку, неся огромные потери. Словно соревнуясь на своих участках, обе дивизии старались раньше захватить позиции врага. Ярость против классового врага победила. Перекоп был взят штурмом, и вслед за пехотой, расчистившей путь буденновской коннице, конная армия во главе с тт. Ворошиловым и Буденным ворвалась на плечах противника в широкие пространства степей Крыма.

Жалкие остатки разбитого врага, преследуемые лихой красной конницей, бежали без оглядки, стараясь попасть на отходящие суда интервентов.

Такова одна из славных побед Красной армии над врагами рабочего класса.



Взгляните на карту

Перед вами Перекопский перешеек.

Командир 51-й дивизии с наблюдательного пункта следит в бинокль за действиями своих частей и противника.

Части 15-й дивизии начинают переправу в брод с тем, чтобы, заняв Литовский полуостров, зайти скрытого в окопах за проволокой противника с тыла.

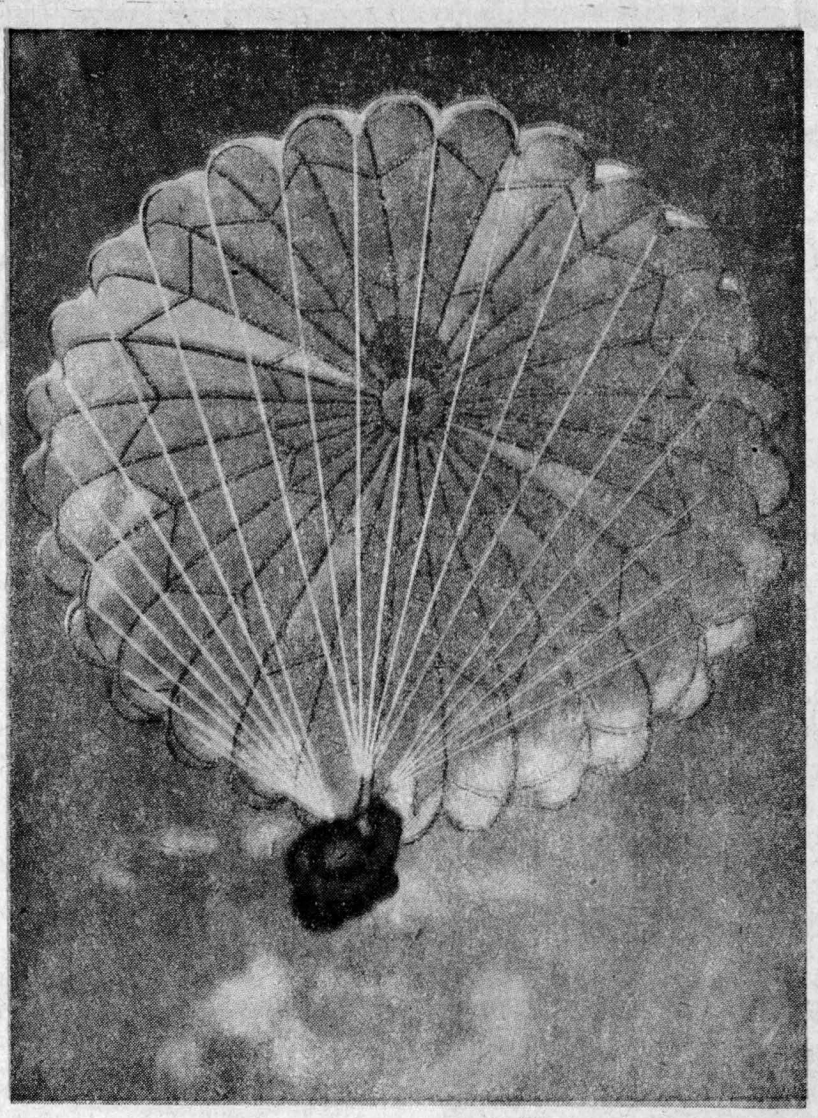
51-я дивизия собирается перед штурмом проволочных заграждений, стараясь незаметно подойти к проволоке возможно ближе. На переднем плане красноармейцы идут, прикрытые от взоров врага песчаными холмами.

В стане врага грозное ожидание. Все люди спрятаны в окопах за первой, второй и третьей линиями проволочных заграждений.

Видны пулеметы и пушки противника. Их очень много. От порта Геническа идут неприятельские суда, чтобы артиллерийским огнем с моря помочь белым отразить нашу атаку. Вдали виден поезд, в котором следуют подкрепления белых.

ПРЫЖОК С НЕБА

В. Сидоров



Волновался я больше всего у врача. Разрешит или нет? К прыжкам с парашютом допускают безукоризненно здоровых людей. Я здоров, но успокоился только тогда, когда на моей карточке была поставлена короткая резолюция: годен.

В один из ясных майских дней я был на аэродроме. Внезапно мне об'явили: сегодня прыгаете. А через несколько минут Мошковский приказал:

— Оденьте на т. Сидорова парашют.

Итак, прыгаю! Шестьсот метров — не шутка. Хочется не волноваться, но сердце постукивает чаще чем нужно.

Прыгать буду с маленького двухместного самолета У-2. Я сажусь в машину, стараясь поудобнее устроиться в тесной кабинке.

Делая ровные круги, набираем высоту. Смотрю на стрелку альтиметра: она медленно передвигается... 400... 500... 550... 600 м. Стрелка замерла.

Идем в последний заход. Самолет сбавляет газ, гул мотора становится глуше.

Летчик смотрит вниз, ища место, где удобнее сбрасывать. Он трогает меня за плечо. Хочешь, не хочешь—надо вылезать.

Становлюсь на сиденье, подтягиваюсь на руках и медленно переношу за борт сначала левую, а потом правую ногу.

Я на крыле. Ветер бьет в лицо и может сорвать меня.

Крепко держась за борт кабины, делаю шаг к кромке крыла и, встав на краю правой ногой, левую переношу на подножку.

Рука крепче сжимает борт, опускаю правую и берусь ею за вытяжное кольцо. Жду команды. Летчик, комсомолец Балашов, смотрит вниз и улыбаясь кивает головой:

— Прыгай!

Делаю над собой усилие и, разжав руку соскальзываю с крыла... Свист в ушах, в глазах пестрит, захватило дыхание... Иду на голову (вниз головой).

Наотмашь дергаю рукой и вырываю кольцо. Рывок!

Меня бросило вправо, потом влево, и я принимаю нормальное положение.

Смотрю вверх: натянутые стропы соединяют меня с гладким шелковым зонтиком в 58 кв. м.

Сдвигаю лямки ножных обхватов к коленям и сажусь, как в очень удобном кресле.

Земля «бежит на меня». Люди и машины с каждой секундой становятся больше. Снижение идет с нормальной скоростью 5 метров в секунду.

Чтобы ослабить толчок, сжимаю ноги вместе, чуть-чуть подтягиваюсь на стропах и, легко коснувшись земли, падаю на бок. Меня протаскивает метра полтора, и шолковый купол осторожно ложится на землю.

Я свертываю парашют и, взвалив на плечи эту послушную в воздухе и непослушную на земле, постоянно рассыпающуюся у меня в руках груду шолка, направляюсь к старту.

Это был мой первый прыжок.

„ОСТАНОВКА ПО ТРЕБОВАНИЮ"

До сих пор парашютами пользовались, главным образом, во время воздушных катастроф, но с каждым годом его применяют все чаще и чаще и не при авариях. Нужно сбросить с самолета на землю почту, груз, и это можно сделать в любом месте при помощи парашюта. И очень недалеко, очевидно, то время, когда огромная, разбросанная по всем необ'ятным просторам Советского союза сеть аэролиний покроется точками «остановок по требованию», где пассажир самолета или дирижабля, предположим, летящего из Москвы во Владивосток, сможет при помощи парашюта «сойти на ходу» там, где ему нужно, не производя посадки самолета.

Парашют находит себе все большее и большее применение и уже сейчас используется как средство агитации. В агитэскадрилье им. М. Горького есть небольшой парашютный отряд из 6 человек первых в СССР журналистов-парашютистов, которые прыгают в глухих уголках Советского союза, там, где самолет не может спуститься из-за отсутствия посадочной площадки, и проводят огромную культурно-просветительную работу среди населения.

СИНИЕ ЗВЕЗДЫ

Дома он застал только Любку.

А. Гайдар

Рис. Ф. Полищук

(Продолжение)

*

В этот день Кирюшка на улицу решил больше не выходить — опасался, как бы не поколотили.

Но и дома, ему не было скучно. Изба была большая, наглухо перегороженная на две половины. В одной жил Калюкин, в другой — еще кто-то. За двором начинался вишневый сад. Туда можно было пройти и через ворота за сараем и через маленькую ветхую калитку под темным навесом, возле входа в коровник.

В саду кроме вишен росла густая пушистая верба. А в сторонке, за вербами, стояла пахнувшая смолою и дымом старая черная баня.

Заглянул Кирюшка и в баню. Там было полутемно и сыро.

У маленького закоптелого окошка в предбаннике пригретая сквозь стекло весенним солнцем тихо барахталась крупная лимонножелтая бабочка.

Обрадованный Кирюшка вынес ее в сад, открыл ладонь, и бабочка тяжело вспорхнула, сверкая на солнце как настоящая золотая. Но не успела она подняться над вишнями, как с пушистой вербы сорвались сразу две пичужки и одна из них, ловко схватив летунью, проворно юркнула в кусты. Сначала Кирюшку очень огорчило это дело, и он схватил с земли камень. Но так как пичужка все равно уже исчезла, то он сердито швырнул камень в стайку веселых воробьев и утешил себя тем, что эти вредные бабочки жрут капусту, огурцы и еще что-то, и в прошлом году ему самому досталось при дележке вовсе червивое яблоко.

Кирюшка шел, на ходу заглядывая в незавешенные окна изб.

Уже к вечеру через сломанный забор Кирюшка выбрался на край неглубокого оврага. Внизу бурлил пенистый ручей. Рядом пролегала уже подсохшая дорога, и по ней бойко катила удаляющаяся от села подвода.

В стороне от дороги виднелась на опушке рощи одинокая церковь с маленькой колоколенкой.

— Почему там церковь? — удивился Кирюшка. — Ни села возле нее, ни поселка; даже домика сторожа и то что-то не видно. Вероятно кладбище, — решил он. Но опять-таки и это показалось ему странным: для чего бы кладбищу быть так далеко.

Усталый, Кирюшка присел на пенек и посмотрел на тот край поля, куда опускалось вечернее солнце.

И теперь отчего-то показалось ему широкое поле пустым и печальным, а красноватое солнце—тяжелым и холодным. Он покрепче запахнул пальтишко, с'ежился, задумался и притих.

«Отчего это бывает смерть? — глядя на покосившийся крест над колоколенкой и вспомнив отца, подумал Кирюшка. — Ну вот живет человек, живет, и что же от него после смерти останется? Ничего не останется».

И он стал припоминать.

Он вспомнил знакомого заводского кучера Семена Харламова, смерть которому пришла от того, что треснули его в пьяной драке по голове пивной бутылкой.

Потом он вспомнил соседку по квартире — кривую, сердитую бабку Евдокию, смерть которой пришла ни от чего, а просто от старости.

Потом вспомнил монтера Николая Николаева, который погиб во время прошлогоднего наводнения, когда, бросившись в воду, он доплыл до столба и перекусил кусачками какие-то провода, чтобы не случилось какого-то замыкания и не испортилась какая-то нужная машина.

И вспомнив, отчего пришли эти три знакомые ему смерти, Кирюшка задумался над тем, что же от каждой смерти осталось?

И тогда он вспомнил, что от кучера Харламова осталась в третьем корпусе свободная комната, куда тотчас же в'ехал бригадир-комсомолец Сиваков, который жил раньше в бараке.

От бабки Евдокии остался сын, рыжебородый мастер из котельного цеха, которому недавно подарили часы и бесплатный трамвайный билет через переднюю площадку.

От Николая Николаева остались та самая нужная машина да черноглазая трехлетняя девчонка Нинелька, которая на похоронах нисколько не плакала и свалила со стола красивый венок, потянув его за широкую красную ленту.

«А от отца что? Ну, я остался»,—подумал Кирюшка.

И хотя это было бесспорно так, но этого показалось Кирюшке мало. И ему захотелось, чтобы от отца осталось еще что-то. И он чувствовал и знал, что осталось еще что-то нужное и важное. Но что именно, этого Кирюшка не знал и не мог сказать, потому что сквозь горе и слезы плохо тогда слышал и понял он, что говорили над могилой товарищи отца и ораторы.

Крупная слеза скользнула по его щеке. И, вероятно, Кирюшка опять, как в тот раз в проходной будке, горько и безудержно расплакался бы. Но тут из-за поворота послышался топот, и перед Кирюшкой оказался верховой.

— Эй ты, пионер!—гаркнул всадник запыхавшимся и сердитым басом. — Ты давно тут сидишь?

— Давно, — с удивлением, но без испуга ответил Кирюшка, узнавая в этом толстом рыжем человеке того самого, который так беспокоился на берегу и так громко орал, чтобы давали лодку.

— Не видал ты, не проезжала ли по этой дороге — чтобы у ней колеса посвернулись — парная подвода?

— Проехала, — ответил Кирюшка.

— Лошади серые?

— Серые, — подтвердил Кирюшка. — Только давно проехала и должно быть теперь уже далеко.

— Вон они куда, — пробормотал рыжий и подстегнул коня.

— Эй ты, пионер! — крикнул он опять, останавливаясь.—Поди сюда! Вот что: беги к Еремееву и скажи, что я поскакал догонять подводу на Куракино. Коли догоню в Куракине, то вернусь скоро, а коли не догоню в Куракине, то вернусь, когда догоню. Понял? Да смотри, передай, а не то я рассержусь, — предупредил он, дергая повод и пускаясь вскачь.

Конь затопал, а Кирюшка, у которого разом вылетели все печальные мысли о кладбище и о смерти, остался в сильном недоумении.

Во-первых, он совсем не знал, кто такой этот Еремеев и где его искать.

Во-вторых, он не успел спросить, от кого надо передать.

А в-третьих, он же решил сегодня не выходить на улицу, опасаясь, как бы его не вздули за утрешнее.

Он постоял, покрутился, но приказание рыжебородого было слишком твердым. Да и самому Кирюшке уже надоело торчать весь день в саду. И он решил выполнить поручение, но сначала забежать в избу и спросить у Калюкихи, кто же этот Еремеев и где он живет.

*

Но Калюкиха ушла к соседке, и дома он застал только Любку. Эта здоровенная Любка сидела у стола и, неуклюже ворочая карандашом по тетрадке, высчитывала вслух кормовые нормы на скотину.

— Значит, — бормотала она, — еще надо прибавить 19 килограммов отрубей, 7 килограммов жмыха... 19 да семь это будет... будет 26. Да 11 турнепсу, да 21 картофелю... Господи! Куда же это? Обожраться, что ли? 11 да 21 это будет... 10 да 21 будет 31 да еще 1—будет 32. И значит, если теперь сложить 32 и 26...

— Любка, — перебил ее Кирюшка, увидав, что эта арифметика, кажется, затянется надолго. — Скажи мне, пожалуйста, где это у вас на селе живет такой человек Еремеев?

— Отстань, — не глядя, ответила Любка... — 32 да 26. Вот еще, сбил только. Выдь пока, Кирюшка, побегай на улице.

— 32 да 26 это будет 58, — подсказал ей Кирюшка. — Сейчас уйду. Ты только скажи, Любка.

Кем-то ловко брошенный комок угодил Кирюшке прямо в спину.

— Ну, верно — 58, — согласилась Любка. — Еремеев Михайло, это на овражках. Старик такой... блажной. Он раньше в церкви псаломщиком был. Да как-то с колокольни пьяный свалился и с той поры вроде как бы не в своем уме.

— Любка, — постояв немного, спросил озадаченный Кирюшка. — А нет ли какого-нибудь другого, чтобы не с колокольни... и в своем уме?

— Такого другого нет, — коротко отрезала Любка.—Такой другой есть только Семен Павлович Еремеев. Так это не наш деревенский, а помощник директора тракторной станции.

— Вот он-то, должно быть, и нужен мне, — укоризненно сказал Кирюшка. — А ты мне какого-то — с колокольни. Эх, ты! А еще комсомолка. Любка, — продолжал он, — а ты не знаешь ли, кто это такой рыжий?

— Какой еще рыжий? — рассердилась Любка.— Уйди ты от меня или я сама за тобой дверь захлопну.

— Ну, какой? Рыжий, здоровый, верхом на лошади.

— Еще что... Рыжий! Мало ли у нас рыжих? Сел рыжий на лошадь, вот тебе и верхом. Слез — вот тебе и пешком. Тоже спрашивает как дурак. А еще пионер.

— Ладно, корова, я тебе припомню, — подумал Кирюшка и выбежал во двор.

*

В конторе, кроме самого Еремеева, Кирюшка застал Матвея Калюкина и Александра Моисеевича Сулина.

То и дело хлопала дверь: подходили все новые и новые люди.

Еремеев показывал очевидно только недавно полученную телеграмму.

Что было в той телеграмме, Кирюшка, конечно, не мог знать. Но он сразу же догадался, что телеграмма

эта хорошая, веселая, потому что, прочитав ее, одни радостно восклицали: «Го!», другие: «Га!», а некоторые хотя и ничего не восклицали и даже начинали ругаться, что, дескать, давно бы пора, но Кирюшка видел, что рады они и сами не меньше других.

— Тебя зачем принесло? — спросил Матвей у Кирюшки.

— Рыжий прислал,— буркнул Кирюшка. И, протискавшись к столу, он слово в слово пересказал то, что ему было приказано.

— Молодец Бабурин,— похвалил рыжего Еремеев, и, обратившись к Матвею, он спросил:

— А это кто? Твой сын, что ли?

— Та-к... племянник,— сурово соврал и тотчас покраснел Матвей, которому и неохота, да и не время сейчас было об'яснять, как и почему попал с ним Кирюшка в деревню. И, приказав Кирюшке бежать домой, Матвей быстро перевел разговор на то, что для ремонта борон на складе нет двухдюймового железа, да и шинного тоже только-только на три дня работы.

— Читал телеграмму? — успокоил Еремеев.— Теперь все получим. Пошлем на приемку Калюкина, да ты и сам поезжай.

— Мне нельзя, — отказался Матвей, — мне кузню налаживать надо. Водой сегодня все переворотило.

— Ну тогда пусть Сулин поедет. Он, говорят, человек здешний, бывалый. Его не проведешь.

— Меня не проведешь,— согласился Сулин.— А на приемке они, поди-ка, всю заваль всучить нам попробуют.

— Зачем заваль?— обиделся Калюкин.—Что же они жулики, что ли?

— Кто сказал, жулики?—удивился Сулин. — А доведись до тебя, неужели ты бы им получше отдал, а себе похуже оставил?..

— Я бы по совести, — убежденно ответил Калюкин. — Что у нас для государства, то и у них для того же.

Конечно, если по совести!.. — усмехнулся Сулин. И, хлопнув Калюкина по плечу, он сказал добродушно и снисходительно: — Совесть что! Так... культурное слово. А вот насчет государства, это ты как раз в самую точку.

Когда Кирюшка выбежал на улицу, то крепко удивили его луна и звезды. Звезды — еще туда-сюда. Но такой большой, сверкающей луны в городе он не видал никогда.

Пока он раздумывал, как это так и почему, сам того не заметив, он очутился на незнакомой кривой уличке, возле шаткого мостика. Но ворочаться назад, в гору, ему не захотелось, и он пошел через мостик, рассчитывая свернуть где-нибудь влево.

Шел он не торопясь, на ходу заглядывая в незавешенные окна старых изб.

Через одно окно он мельком разглядел худую бабу, которая кормила толстого горластого дитенка.

В другой избе он увидел, как два бородатых мужика укоряют в чем-то один другого, а третий, лысый, пьет чай и читает газету.

Потом — седую бабку и пятнистого теленка.

Потом — красивую девку, которая сразу делала три дела: качала ногой люльку, вязала чулок и слушала через наушники радио.

Потом еще издалека услышал он рев и подивился на то, как сердитый дядек дерет ремнем какого-то вертлявого черного парнишку.

И, вероятно, много еще интересного рассмотрел бы Кирюшка на своем пути, если бы кем-то ловко брошенный комок глины не угодил ему прямо в спину.

В страхе отпрыгнул Кирюшка, обернулся, но никого не заметил.

Он хотел было пуститься наутек, но здесь уличка кончалась тупиком. Справа зияли черные дыры проломанных заборов, торчал сарай без крыши и валялась телега без колес. Слева скрипела распахнутая калитка, за которой что-то мычало, что-то рычало,— в общем плохо было дело... Второй ком глины шлепнулся о доски где-то совсем рядом, и Кирюшка понял, что неизвестный враг прячется в темной нише, у ворот, напротив.

Тогда, увидав, что деваться некуда, перепуганный Кирюшка схватил увесистый булыжник и изо всех сил запустил им в ворота. Потом ему попалась под руки мокрая чурка, потом суковатая палка,— все это полетело туда же.

И почти тотчас же из темноты раздался жалобный вой. Очевидно, палка крепко ударила по невидимой цели.

— Рыжий прислал,—буркнул Кирюшка.

Но этот вой еще больше испугал Кирюшку, особенно после того как хлопнула дверь и кто-то, встревоженный ударом булыжника, грозно спросил, отчего стук и крик.

Тогда, не дожидаясь, как оно будет дальше, Кирюшка юркнул в дыру забора, и, спотыкаясь о кочки, цепляясь за колючки, он проворно полез куда-то в гору.

(Продолжение следует)

БАЛЛАДЫ О СНАЙПЕРАХ

С. Болотин

Рис. М. Родионова

Сибирский снайпер

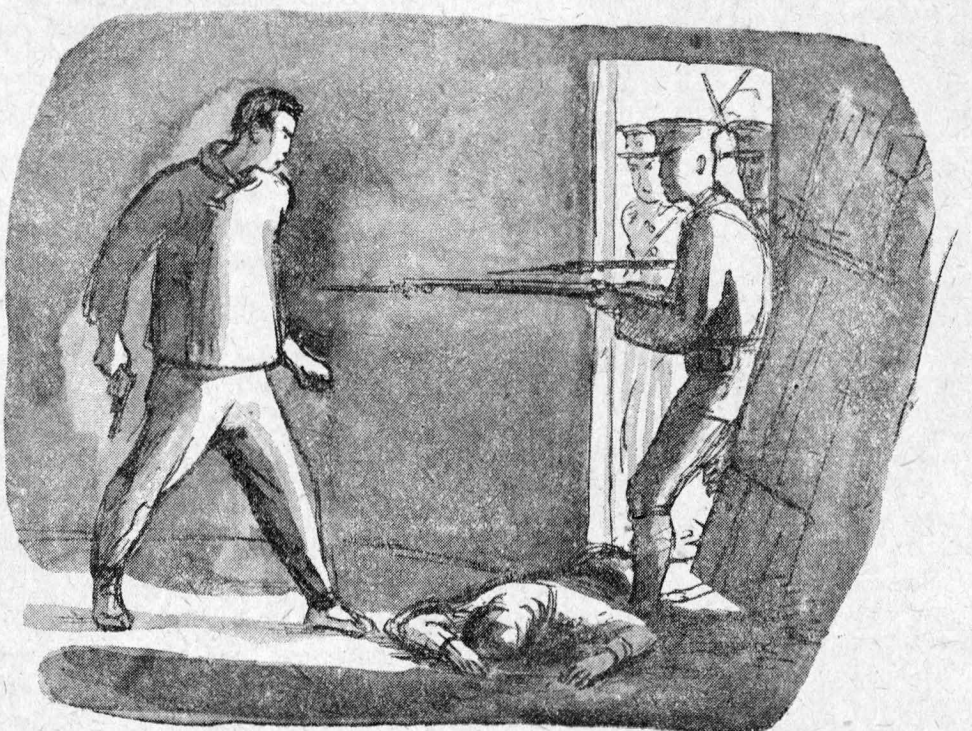
Сибирский день встает серо.
В лесу еловом—тишь...
По веткам прыгает зверок.
Какой?—Не различишь!
Как снежный ком,—
вперед, назад,
то вверх, то вниз стрелой,
и так мелькает, что в глазах
становится бело!
И вдруг на миг затих прыжок,
и щелкает орех...
Да это белка бережет
свой теплый серый мех.
Напрасно прыгаешь, дружок!
Стальная смерть близка.
Твой птичий взлет прервет ружье
сибирского стрелка.
Твой мех,—
ты сколько ни пляши,—
пойдет в Париж, в Нью-Йорк,
и купит нужных нам машин
на выручку Госторг.
И белка скачет вниз и вверх,
ей хвост—взамен руля!
Неловкий выстрел сгубит мех,
Ну как в нее стрелять?
Опасность шкурке и хвосту,
испортит пуля класс.
Но снайпер тот, кто налету
стреляет белку в глаз.
Но снайпер тот, кто,—
хоть рванись!
хоть молнией сверкай!—
дробинкой в глаз
сбивает вниз
летучего зверка.

Шотландский снайпер

Подняв вершины в небеса,
качаются дубы.
Шумят шотландские леса,
рассказывают быль.
Шуршат колосьями поля,
их ветры шевелят,
и хлеб, и лес, и вся земля—
богатство короля.
Он их милордам передал —
хранить его добро.
За каждый колос феодал
с крестьян дерет оброк.
Но наша вольность все жива!
Она в леса ушла.
Звени, тугая тетива,
лети, моя стрела!
Пусть королевские стрелки,
как лани, пробегут,
стрелою снайперской руки
сразит их Робин Гуд.
Его дубравы стерегут.
В глуши лесных дорог
шотландский снайпер Робин Гуд
затрубит в звонкий рог.
Баронов гордых этот рог
бросает в смертный страх.
Король, милорды!
Близок срок
веселого костра!
Дворцы сгорят горой угля
от факелов стрелка,
и хлеб, и лес, и вся земля
вернутся беднякам.

Китайский снайпер

Горит расстрелянный Чапей.
Борьба к концу идет.
Винтовок залпы все скупей,
все реже пулемет.
Сквозь дым краснеет шар луны,
и ветер искры вьет.
По переулку, вдоль стены,
идет
японский взвод.
Идут.
Все тихо впереди.
Вдруг выстрел прозвучал.
Без звука падает один,
сраженный наповал.
Японцы стали.
Сломан строй.
Но выстрел вновь гремит.
И молча падает второй,
как молнией убит.
Еще... Еще...
Спасая жизнь,
Они назад бегут.
Им офицер кричит:
— Ложись!
Но и лежачих бьют!
На чердаке, забившись в щель,
китаец сжал наган,
спокойно выбирая цель,
на выбор бьет врага.
И не дрожит его рука,
и ей послушна сталь,
как будто снова у станка
он делает деталь.
Наган, как острая игла,
свинцовой ниткой шьет,
и снайпер в цель, прищурив глаз,
за пулей пулю шлет.
За кули, гибнущих в порту,
за проданных детей,
за голод, рабство, нищету
свинцовый град летел.
Китаец знает: позади
его отряд—уйдет.
Ну что ж!
Зато он смог один
отбросить целый взвод!
А точный, снайперский прицел
друзьям уйти помог...
Вдруг громко вскрикнул офицер,
он увидал дымок.
Японский взвод вбегает в дом,
враг не уйдет теперь!—
трещит под крепким сапогом
затворенная дверь.
Кричат, все входы окружив:
«Сдавайся, большевик!
— Бросай оружье,—будешь жив!
А нет, — возьмем на штык!»
Его ответ гремуч и скор:
свалился командир.
Боец в последний раз в упор
оружье разрядил.
Враги ворвались.
Топот. Крик.
Свирепо бьют штыки.
Китайский снайпер в тот же миг
растерзан на куски.
Поднялось солнце по утру.
Рассветный луч дрожал.
Никто б не мог узнать,
чей труп
растерзан здесь лежал.
Но будет память о бойце
по всей земле ходить,
но снайпер — тот,
кто видит цель
далеко впереди,
но этот снайпер стойко шел,
он отдал подвиг свой
тебе и мне и всей большой
Коммуне мировой.



Советский снайпер

(Песня)

Бандитских пуль свинцовый щелк
носился по полям.
Советский полк, стрелковый полк
шагал сквозь гаолян.

Колонны скрылись за холмом,
орлы в выси кружат,
А на посту сторожевом
два снайпера лежат.

Припев: Нередкие,
сверхметкие,
по всем полкам
шагнули мы,
и если враг неистовый
границы прорвал,
мы выстрелами
быстрыми,
мы снайперскими пулями
ссеви-исст! Трах! В лоб! Влёт!
навылет — наповал!

Замаскированы в кустах,
глядят в две пары глаз.

Дорога пыльная пуста
пред ними разлеглась.
Идет негромкий разговор,
и вдруг секрет затих.
Вдоль сопки вражеский дозор
крадется мимо них.

Враги идут вдевятером,
а наши говорят:
— Пускай же ни один патрон
мы не истратим зря.
И словно дунул ураган
от пуль сторожевых:
Упали мертвых два врага
и семеро живых.

И офицер сказал стрелкам:
— Я в красную звезду
На сто шагов наверняка,
не целясь, попаду.
Он приподнялся, щуря глаз,
он вскинул карабин,
Но пуля в лоб ему впилась,
и час его пробил.

Бандитам был уже знаком
полученный урок.
Они бочком, ничком, ползком
пустились наутек.
Беги, враги, не напирай
на красные поля.
Умеют наши снайпера
без промаха стрелять!

ХОРОШИЙ ОТДЫХ ПОСЛЕ ХОРОШЕЙ РАБОТЫ

Очерк Е. Рубцевой

Вместо вступления

Попробуем поиграть в загадки.

— Не снегирь, а шейка красная. Кто это?

— Что такое «Писк»?

— Почему нельзя писать на настольной бумаге?

Разгадку вы узнаете, когда прочтете до конца.

Товарищ начальник

Крыса проворно взбирается по стенке ящика, который стоит в углу, у стола. Это не простой ящик, это ее дом. Это не простая крыса, у нее белая как снег шерстка и смородинно-красные глаза.

Она идет на зов. Вылезла из ящичка. Доверчиво ткнулась мордочкой в протянутую ладонь. Поползла по защитному рукаву и устроилась на шее, рядом с малиновыми петлицами военной гимнастерки.

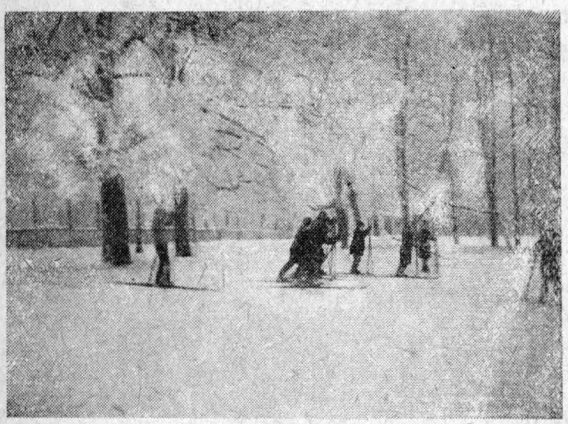
Человек в гимнастерке сидит за столом. У него строгое, решительное лицо командира и веселые глаза. Это товарищ Тимме.

— Стольцер, назначаю тебя дежурным по станции. Надень противогаз, расставь дневальных...

— Есть, товарищ начальник.

Стольцер метнулся к дверям.

— Стой! Я еще не отпустил тебя. Надо дослушивать приказания до конца. Распорядись, чтобы к приходу ребят все комнаты были в полном порядке.



...В снежных просторах Петровского парка..

— Слушаю, товарищ начальник.

— Можешь идти.

Крыса попрежнему сидит на плече, но товарищ Тимме уже забыл про нее.

Ребята в галстуках и без них, вихрастые и причесанные, веселые и серьезные приходят к его столу за приказанием, за советом, за «нахлобучкой».

...Гурьбой катались на катке

Докладывают, спрашивают, спешат.

Работа детской военной станции началась.

Коньки в углу

Они сложены аккуратно, и все же получилась большая горка. Она заняла весь правый угол штаба.

Это осталось от зимнего лагерного сбора военной станции. В январе, во время каникул, вместо обычной военной учебы на станции ребята учились хорошо отдыхать: уходили с утра на лыжах и часами гонялись в снежных просторах Петровского парка; гурьбой катались на катке, устраивали регулярные налеты на театры, на кино; сражались в шахматы в «тихой комнате».

Вкусно и сытно кормились в столовой соседней школы и возвращались по домам только вечером, усталые от хорошей, здоровой усталости, чтобы крепко уснуть.

А теперь вернемся к загадкам.

Вы думаете, что «Писк» имеет какое-нибудь отношение к мышам, котятам и прочей мелочи звериного царства? Ничуть. На стене висят пять «Писков».

Это веселая стенгазета лагеря.

Она пестрит карикатурами, стихами, шутками.

«Не снегирь, а шейка красная — это пионер. Загадку придумали сами ребята, и она красуется в «Писке».

Всех, конечно, удивляет смешное название этой газеты. — А у нее серьезный смысл:

«Пионеры — смена комсомола».

Кроме «Писка» лагерь выпускал еще две газеты: общую лагерную и ежедневную газету дежурного звена.

Десять дней лагеря — хороший отдых после хорошей работы.

Говорят по секрету, что при закрытии кой-кто из девочек даже всплакнул.

Пожар, горим!

Ребята спокойно сидели на занятиях кружков, когда вдруг раздался сигнал пожарной тревоги.

В разных комнатах ребята действовали не сговариваясь, но одинаково. Быстро построились, надели противогазы, разобрали огнетушители и... не знали, куда идти, где тушить.

Пожара не было. Сигнал дал товарищ Тимме и спокойно смотрел, что будут делать ребята. Когда тревога кончилась, был созван экстренный совет станции, и на нем обсудили подробно все случившееся, разобрали ошибки. Выработали план на случай настоящей тревоги.

Внезапные нападения, тревоги учат ребят стойкости, спокойствию, умению быстро действовать, быть находчивыми в опасности.

Мелочи

Телефонный звонок. Пионер берет трубку.

— Военная станция.

— У телефона Чубаев.

— Минкину? Я передам ему.

— Да. Скажите номер вашего телефона. Боря берет карандаш и нагибается к столу. Но Тимме говорит:

— Стоп! Никогда не пиши на настольной бумаге!

Это не простая аккуратность. Ребята должны знать, что записанные на столе цифра, адрес, фамилия могут попасть в руки врага, шпиона и раскрыть секретные сведения.

Случай на границе

Дело было под утро, задолго до того часа, когда занимается холодный зимний рассвет. В тишине раздались выстрелы. Вожатый с собакой и два красноармейца, стоявшие в «секрете», отползли к первому посту. Пост стал отстреливаться.

Нападение на пост номер один

вели из рощи «Клин» шесть человек неприятелей. Пулеметчик под прикрытием пулемета засел на одиноком дереве. Одновременно из рощи «Гвоздь» был атакован второй пост.

В разгар нападения второе отделение пришло на пост номер два, а первое на пост номер один — на помощь отстреливавшимся красноармейцам.

И все это было на Васильевской улице, в доме № 13.

Военная станция включилась во всесоюзную военно-тактическую игру по радио. Тема: служба караула. Ребята решают серьезную задачу, рассчитанную на взрослого бойца Красной армии. Пионеры-бойцы первого и второго отделений военной станции по карте разбирают положение. Это они пришли в подкрепление сторожевым постам и заставили врага отступить.

Ребята серьезно учатся. Они будут военоргами пионербазы, организаторами групп противовоздушной обороны в школах, инструкторами авиомодельных кружков. У ребят организована велодружина, духовой оркестр, сейчас «рождается» кружок связистов.

Больные

— У нас всегда есть три-четыре человека, которых нам присылают на исправление. Это наши «больные». Мы лечим их крепкой дисциплиной и работой, которая их интересует, — говорит товарищ Тимме.

— Товарищ начальник, Карасев опять не слушается: ему говоришь, а он дерется, прямо, всю работу срывает.

— Позови его сюда.

Через минуту высокий, худощавый и вихрастый мальчик стоит у стола Тимме. Это Карасев. Тимме говорит ему:

— Сегодня на совете вопрос о тебе, Карасев.

Карасев—«дезорганизатор», «нарушитель дисциплины», вечный драчун и бузотер. Но сейчас у него дрожат губы и в его голосе слышны слезы.

Он оправдывается:

— Товарищ Тимме, давайте разберем, а то выгонят со станции.

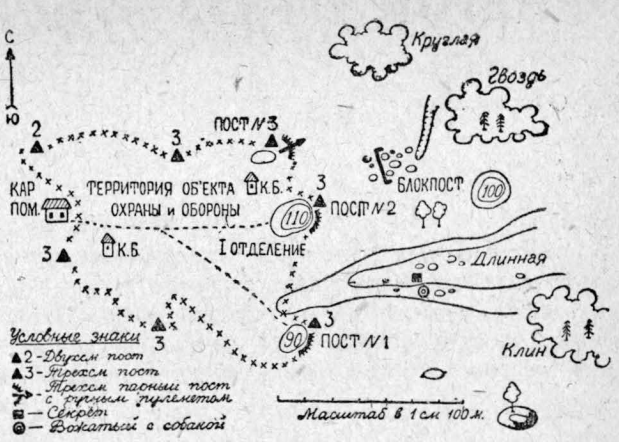
Главный «грех»—это драки.

— Товарищ Тимме! Разве я нарочно? Вы думаете, я хотел, чтобы я дрался!

Взволнованный, он не замечает, что сказал чепуху.

— Иди, Карасев,—спокойно говорит Тимме.—Сегодня будет совет.

Карасев—«неисправимый», но он уже любит станцию, а здесь исправили не одного «бузотера».



Карта „боя“ на Васильевской улице

Разговор с наркомом

В штабе станции вдоль стен шеренгой выстроились винтовки, а рядом стоит большое знамя. Знамя бережно завернуто в чехол. На него с гордостью поглядывают не только пионеры станции, но и сам т. Тимме.

Это переходящее знамя Реввоенсовета. Его станция отвоевала на I всесоюзном слете и крепко держит в своих руках.

Недавно ребята ездили с делегацией юных друзей Осоавиахима в Реввоенсовет, к т. Ворошилову, чтобы рассказать ему о своей работе.

Слово мы даем ребятам:

— Мы 12 января пришли как всегда на станцию, а нам говорят: «Вы поедете завтра к наркомвоенмору т. Ворошилову». Оказывается, нас выбрали делегатами.

Когда мы вечером приехали на Знаменку, в Реввоенсовет, нас пустили к Клементию Ефремовичу. Кроме нас было еще много ребят из других городов. Тов. Ворошилов сказал нам, что мы должны изучать историю гражданской войны и обещал нам поговорить с Максимом Горьким, чтобы он написал для ребят хорошую, интересную книжку о гражданской войне. Мы сказали ему, что хотели бы иметь детский значок ворошиловского стрелка и что взрослые нормы на ворошиловскую стрельбу очень трудны для ребят, надо бы для нас выработать отдельные, детские нормы. Тов. Ворошилов обещал заняться этим вопросом.

Мы не только разговаривали с ним, мы ему пели, плясали, показывали модели. Тов. Ворошилов много с нами шутил и смеялся.

Но когда мы передавали свои рапорты, Клементий Ефремович сказал: «Хорошо вы работаете, но плохо боретесь с тем, что ребята катаются на буферах, а это ваше пионерское дело. Я вот недавно был в Турции, там этого нет, а у нас вот сегодня я ехал на машине, а впереди нас шел трамвай, на буфере сидел мальчик, и если бы он сорвался, попал бы под нашу машину».

Пионеры, бойцы военной станции: Боря Киселев, Володя Булин, Ваня Кондратьев.

Мы думаем, что пионеры должны запомнить эти слова Клементия Ефремовича.

ТУТ-ИТАМ НАКОНЕЦ РАССЕРДИЛСЯ

(Продолжение)

Рис. А. Каневского

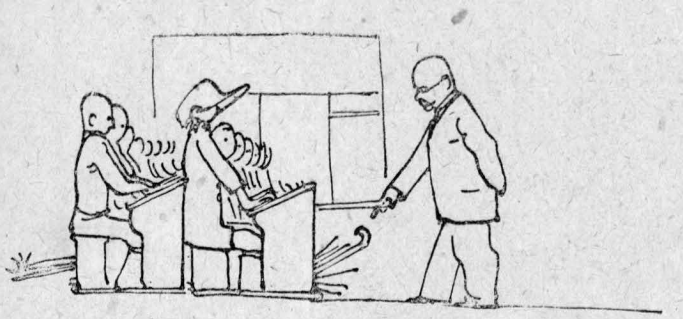
— Мы победили это возмутительное чудовище,— продолжал Сеня Чувильчиков, — несмотря на то, что оно оказало нам жестокое сопротивление. Этот бешеный Сорокорук показал все, на что он способен, но после жестокого боя мы его связали и привели сюда.

Тут-Итам не выдержал наконец. Его правдивая натура возмутилась. Он порвал веревки и стал трепать храброго Чувильчикова так, как никто никогда его не трепал.

— Вот так именно он и обрабатывал моего друга Сеню, — сказал Яша Мамелюк. Чтобы ребята могли лучше рассмотреть, как свиреп Сорокорук, он не стал вмешиваться в драку и спасать Чувильчикова. Спокойно и бесстрашно Яша стоял рядом.

Но Тут-Итам рассвирепел не на шутку. Кроткий Тут-Итам не выносит слишком большой фантазии. За эту фантазию часто доставалось даже художнику Каневскому, который рисовал Тут-Итама то слишком большим, то слишком маленьким.

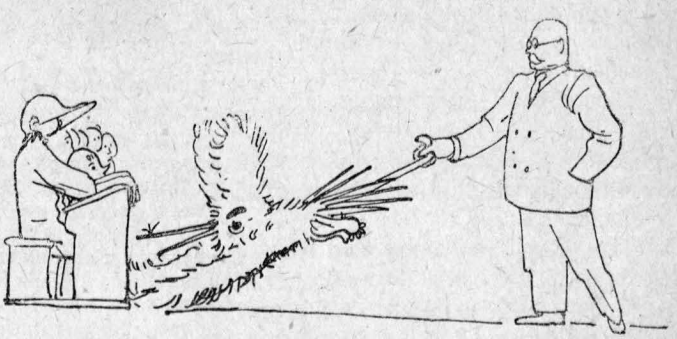
То, что произошло в классе, совершенно не поддается описанию, и, как видите, не легко было нарисовать. Каневскому с трудом удалось зарисовать момент прихода учителя Демьяна Касьяновича Образуменко.



Как можно заметить, класс успокоился в каких-нибудь три секунды. Никогда до сих пор ребята не сидели так организованно, как здесь изображено. И все сошло бы прекрасно, если бы не хвост Тут-Итама, который очень заметно торчал из-под парты. Впрочем может быть здесь виноват и Каневский, который на этот раз нарисовал Тут-Итама слишком большим, так что он под двумя рядами парт не поместился.

— Как сюда попало это мифическое существо?— грозно спросил Демьян Касьянович у затихшего класса.—Вы привели его сюда,—сказал он, обращаясь к Яше Мамелюку и Сене Чувильчикову.—Я знаю вас, отчаянных дезорганизаторов.

Приятели смотрели своими честными глазами прямо в глаза Демьяну Касьяновичу, и Тут-Итам почувствовал, что их ответ не сулит ему ничего хорошего. От испуга душа у него ушла в самый кончик хвоста, а он был крепко зажат рукой грозного учителя. Что-то будет дальше?



(Продолжение следует)

Из школьного журнала. Рис. деткора Пети Филиппова

Мы работаем с журналом „Пионер“

В нашей школе до сих пор существовало 2 кружка: литкружок и литбригада. А сейчас они соединились, образовав довольно крупный и сильный литкружок. В нем 40 постоянных активных слушателей. Кружком руководят два преподавателя русского и украинского языков. Мы уже проработали роман украинского писателя А. Головко «Маты» («Мать») и кончаем третью книгу «Брусков» Панферова — «Твердой поступью».

Кроме того мы обсуждаем каждый номер «Пионера». Особенно хорошо обсудили 21—22-й номер журнала. Больше всего ребятам понравились очерки «Зимний дворец» и «Мы входим в пустыню». Читаются они легко и описывают интересные события. Неплохо составлена и карта «Большевистская география». Мы ее вывесили в пионерском клубе, а некоторые ребята использовали ее на уроках экономгеографии. Рисунки и фото в общем неплохие, но ребята говорят, что оформление журнала должно быть еще лучше.

Вырезки из журнала («Кабинет доктора Звенового», «Тут-Итам», «Научная газета» и др.) мы вывешиваем в стенгазете «Пионер на стене». Кроме того мы устроили уголок журнала, где вывесили такие плакаты:

«Каждый школьник и пионер должен читать журнал «Пионер», «В «Пионере» ты узнаешь о дозорных урожая», «Пионер» напишет метко о гигантах пятилетки», «Пионер» и скуке враг», «Прочитайка, детвора, как в журнале неспроста появился «Тут-Итам» и т. д.

Мы завели связь с деткорами г. Житомира, и по нашей инициативе там организована литбригада журнала «Пионер».

Журнал регулярно используют в своей работе звенья Тамары Коптевой, Веры Цируликовой и Нюси Бидерман. Они прорабатывают «Кабинет Звенового» и другие материалы.

Везде, где только можно, мы агитируем за журнал «Пионер». И когда т. Матиенко прислала мне листовки журнала, я в тот же день их распространил на пионерском слете и рассказал ребятам о журнале. Это было 23 декабря.

Теперь даже руководители кружка, педагоги, тоже выписали журнал.

— Очень интересный журнал,— говорит Т. Г. Берендеева, преподавательница русского языка.

С III квартала во всех пионерских отрядах (а у нас их 14, где 1 000 пионеров) начнут работать уполномоченные по подписке на журнал.

Один у нас недостаток, который засел у нас в школе вообще,— очень туго ребята освещают свою работу. Но все же постараюсь их раскачать.

29 декабря я еду с ребятами в Макеевку. Там мы проведем обмен опытом по работе с журналом «Пионер».

Да! Вот за час перед тем, как начать письмо, я зашел в киоск и увидел только что полученный номер 23-й. Я сразу узнал старого знакомого на обложке, а продавец газет, удивленно посмотрев на него, спросил:

— Что это за чорт нарисован? Сроду не видел такого! Я рассмеялся и познакомил его с знаменитым Тут-Итамом.

С товарищеским приветом ваш деткор ВЛАДИМИР РУДИМ

В МАРТЕ ЖУРНАЛ „ПИОНЕР“ ПРАЗДНУЕТ СВОЙ ДЕСЯТИЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ. К ЮБИЛЕЮ ЖУРНАЛ „ПИОНЕР“ ОБ'ЯВЛЯЕТ КОНКУРС НА ЛУЧШИЙ ШКОЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ.

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ „ПИОНЕРА“ СОЗДАДИМ ДЕСЯТКИ ТЫСЯЧ „ПИОНЕРОВ“ В ШКОЛАХ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

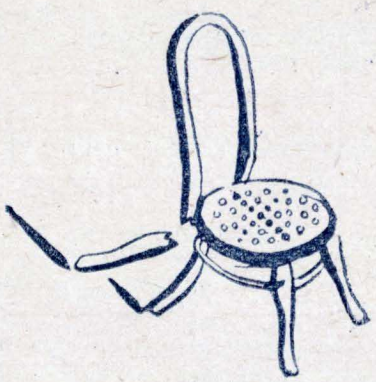
Цена 25 коп.

КТО ЗА, КТО ПРОТИВ?

Школьник Дубровский попросил слова. Он просит, чтобы редакция защитила его. Но если защищать, то уж всем коллективом—с деткорами, с читателями на страницах журнала. Потом, защищать надо, подумавши, стоит ли защищать? Может быть он и не такой уж ягненок, как пишет?

Мы просим выступить читателей и сделаем так: письма читателей в защиту Дубровского будем печатать на левой стороне, обвинения—на правой стороне листа.

Ждем писем от пионеров и непионеров, от лучших ударников и от бузотеров, от активистов и от неактивных ребят. Кто за, кто против?



Я НАКОНЕЦ ПРОШУ СЛОВА

Я пишу вам в редакцию письмо, чтобы меня перестали всюду каким-то бандитом выставлять.

В школе меня бузотером считают. Учителя на всех уроках замечания делают. На собраниях обо мне вопрос ставится, в стенновке про меня писали, вызывали мать в школу. Говорят: «брось бузить, а то позор на всю школу».

А я скажу—все бузят. И нечего меня одного выставлять.

На уроках скучно.

Ну и начинаешь потихоньку бузить. Не очень сильно. Ну, разговариваешь, записочками кидаешься.

Разве это хулиганство?

А с чего меня хулиганом считают?

Один раз ребята у стула ножку сломали. Я подставил,—как будто цельный. Учитель сел,—упал на пол. Виноваты вроде все, а свалили на меня одного.

К заведующему вызвали, чуть из школы не выгнали.

И с того и пошло.

Чуть кто чего набузит, а учитель, не разбираясь, прямо на меня.

Уж прямо зло берет.

Иной раз тихо сидишь, слушаешь. Кто-нибудь кинет учителю на стол бумагу жеванную...

Учитель увидит, — сейчас на меня: «Иди вон из класса!».

Хулиганишь, не хулиганишь — все одно виноват. Ну и бузишь.

На переменах тоже буза. Выйдешь из класса — делать нечего. Сейчас в уборную. Там покурить стрельнешь.

Выходишь до звонка, дома делать нечего.

Ну начнешь с ребятами вперекидку играть.

Станем у стенок в коридоре. Кто пройдет — его пихают от стенки к стенке. Девчата визжат—боятся проходить. Пробка тесная в коридоре.

Бывает, пихнешь кого-нибудь, он налетит на учительницу, та разорется: «Хулиган!» — Опять идем к заведующему. А заведующий кричит: «Из школы выгоню!!!», мать вызывает. Потом дома скандалы. Отец ругается.

Иной раз сам думаешь:

«Не буду хулиганить. Брошу».

Придешь в школу. Ребята сейчас для бузы изобретут что-нибудь.

Хочешь на них не глядеть, а глядишь и сам втянешься.

Другой раз что-нибудь интересное бывает, слушаешь, а ребята разбузились, мешают. Скажешь им: «Тише».

А они на тебя: «Тебе-то какое дело?». Я говорю: «Мешаете». «Ну, и мотай отсюда!».

А то и пригрозят.

Ну, а на следующем уроке, конечно, сам бузишь немного с ребятами. Опять в стенгазету попадешь за кого-то, хотя бузили все.

Я считаю, что это неправильно.

Дубровский 25 школа

Отв. редактор Б. ИВАНТЕР Худ. редактор М. АСКИНАЗИ Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда"

Сдан в набор 25/I—34 г., подписан к печати 3/III—34 г. Изд. № 275 Формат 1/8 62×94 см. 1 1/2 б. л. 135.000 п. зн. в бум. л.

Уполномоченный Главлита № Ц -79041. Типография газеты „Правда", Москва, ул. им. Горького, 48 Заказ № 253 Тираж 53200 экз.

Отпечатано в (39) Интернациональной тип. пр. Скворцова-Степанова, 3, Зак. 205